

Предисловие автора

Данная работа является итогом многих лет размышлений и результатом дискуссий со Сматаем Аязбаевым, моим однокурсником по ещё советскому физическому факультету Казахского государственного университета. Его общественная инициатива и живой интерес к принципиальным вопросам бытия в значительной мере мотивировали мои усилия, направленные на понимание закономерностей общественного развития.

Наше поколение пережило резкие исторических перемены, но мы наблюдали их уже в возрасте осознанной молодости, располагая завершённым физико-математическим образованием. Это побуждает нас к попыткам объективного осмысления хода истории. Как и многие наши сверстники, мы хотели понять с научной точки зрения, что же произошло с Советским Союзом и куда идёт многонациональный независимый Казахстан. В итоге была написана данная предлагаемая читателю длинная статья или краткая книга.

Теория второго порядка

Дмитрий Мадигожин
18 марта 2019 г.

Понятие порядка

Мы не будем обсуждать порядок в каком-то узком математическом смысле. Речь пойдёт о самом обычном порядке, который противостоит хаосу. Простейший порядок создаётся многократным воспроизведением какого-то явления, что приводит к размножению, распространению и сохранению этого самого явления.

Если копирование получается точным, создаётся идеально чистый порядок воспроизведения. Образцом такой чистоты являются идеальные кристаллы. Они растут путём присоединения атомов или молекул к уже существующему порядку. Кристаллизация может создавать не только монокристаллы с чёткими гранями, но и сложный пространственный порядок снежинок или морозных узоров на стекле. Структура каждой снежинки имеет свой порядок чередования льда и воздуха. У неё нет химической чистоты сплошного кристалла, но есть чистота повторения пространственного порядка.

У каждого участка морозного узора на стекле и у каждой снежинки есть своё начало – исходный порядок малой группы молекул, с которой начиналась кристаллизация. Это начало представляет собой случайное нарушение

хаотического равенства молекул. Если хаос можно назвать нулевым порядком, то его нарушение является началом первого порядка. Случайно упорядоченная группа молекул впоследствии выстраивает под себя все присоединяющиеся к ней молекулы благодаря физическому неравенству между упакованными и свободно блуждающими в пространстве частицами вещества. Масса уже упакованных молекул навязывает блуждающим одиночкам свой порядок расположения в пространстве. Такое распространение порядка кристаллизации даёт наглядный пример первого порядка развития.

Строго говоря, тут идёт речь сразу о двух порядках. Во-первых, имеет место определённый порядок физических процессов роста кристалла. А во-вторых, в результате этих процессов получается определённый порядок расположения атомов и молекул в пространстве. Для краткости два этих порядка вместе – порядок хода событий упорядочивания и порядок, полученный в результате упорядочивания – мы назовём *первым порядком развития*.

Следует отметить, что реальная жизнь сложнее первого порядка. В общем случае порядок не равнозначен ни однородности, ни повторяемости, и не всякий порядок связан с единым началом.

Два порядка живой природы

Современная наука считает, что жизнь – это процесс воспроизведения генетического кода, который представляет собой определённый порядок расположения групп химических элементов в очень длинных молекулах ДНК. Ошибки генетического кода, возникающие при его копировании и хранении, называются мутациями. Они являются источником всех изменений генетического кода, которые приводят к его развитию или гибели.

Генетический код сохраняется и распространяется путём размножения живых существ. Простейшим размножением является копирование кода, которое чаще всего происходит в процессе деления живой клетки на две новые копии. Этот способ называется бесполом размножением. Он присущ всем бактериям, а также археям, которые мало чем отличаются от бактерий. Размножение бактерии обычно делит её на два живых существа, которые сразу же становятся конкурентами друг другу, потому что нуждаются в одинаковых ресурсах.

Бесполое размножение представляет собой распространение определённого порядка расположения атомов в молекуле генетического кода. Оно имеет сходство с ростом кристалла или морозного узора на стекле, хотя и происходит без прямого примыкания новых областей порядка к сложившейся пространственной структуре. Бесполое размножение, как и рост кристалла, можно считать почти чистым воспроизведением порядка. Размножение клеток делением происходит не только у одноклеточных существ, но и в сложных организмах в процессе их роста. Тот же самый механизм позволяет не только микробам, но и некоторым многоклеточным видам размножаться бесполом путём через какое-нибудь почкование.

Реальное бесполое размножение не бывает идеальным воспроизведением, поскольку не исключает мутаций. Кроме того, бывает ещё и так называемый горизонтальный перенос генов, когда из одной клетки в другую попадают участки генетического кода, которые встраиваются в чужой код. Такой перенос не связан с размножением, клетка лишь заимствует частицу кода из внешнего мира.

Изменения генетического кода одноклеточных живых существ, будь то мутации или горизонтальный перенос генов, обычно представляют собой редкое дополнение к основному процессу размножения делением. Эти изменения нарушают чистоту воспроизведения генетического кода. Они обеспечивают всю эволюцию одноклеточных, но для конкретного кода любое его изменение является неудачей его чистого воспроизведения. Даже если в результате появится новый успешный вид, он вытеснит старый вид из среды обитания, а это и есть неудача исходного вида.

Напомним, что биологическим видом называют множество живых существ, способных совместно порождать общее потомство, но не способных иметь общего потомства ни с кем за пределами этого множества. Возможно, это определение стоит уточнить для незавершённых процессов видообразования с применением понятия вероятности появления общего потомства. Но расширение и уточнение общепринятого понятия вида отвлечёт нас от темы данной работы.

В царствах бактерий и архей единым видом можно считать совокупность особей, между которыми возможен горизонтальный перенос генов. Если у бесполого вида нет горизонтального переноса, каждая мутация его кода создаёт новый вид, если только она выдерживает естественный отбор. Такой порядок развития генетического кода, состоящий только из копирования, мутаций и отбора, можно назвать *первым порядком живой природы*. Поскольку порядок развития генетического кода определяется его содержанием, коды бактерий и архей можно называть генетическими кодами первого порядка.

Сложные многоклеточные существа в большинстве случаев размножаются принципиально другим путём, который называется половым. В этом случае генетический код потомка строится из частей родительских кодов, выбранных с участием случайных процессов. Казалось бы, проще всего это сделать, выбирая элементы для генетического кода ребёнка из двух родительских кодов, для чего достаточно было бы расширить механизм горизонтального переноса генов. В этом случае сразу же получался бы генетический код, пригодный как к исполнению, так и к последующему участию в собирании кода следующего поколения.

Однако, на самом деле человек хранит почти в каждой своей клетке по две версии генетического кода. Одна из них является вкладом матери, а другая – вкладом отца. И только в специальных половых клетках человека формируется его собственный вклад в код его будущего потомства. Для этого выполняется почти случайный выбор между двумя имеющимися вариантами каждого участка кода. При этом получается огромное множество вариантов результата. Этот процесс описан в учебниках молекулярной биологии, здесь же нам важен только

результат такого механизма наследования.

А в результате выбор генов для потомства выполняется с задержкой на одно поколение, и мы всю жизнь храним в себе два полных варианта генетического кода, полученные от родителей. Эти почти равноправные коды делят между собой управление построением одной живой особи. При этом для каждого этапа роста организма чаще всего происходит выбор одного исполняемого варианта из двух имеющихся, но изредка бывает и какое-то совместное их влияние.

Таким образом, примерно половина наших генов просто бездействует в течение всей нашей жизни. Но эти молчащие гены могут получить управление в следующих поколениях. Некоторые версии наших генов (рецессивные) не влияют на организм, если только не окажутся сразу в двух генетических вкладах, полученных от родителей. Среди таких рецессивных генов есть вредные и даже смертельные. У большинства из нас есть по несколько таких генетических бомб, заблокированных вторым вариантом родительского гена.

Создаётся впечатление, что значительное усложнение механизма наследования с удвоением кодов только для того и нужно, чтобы хранить вредные версии генов как можно дольше. Ведь если бы выбор действующих генов потомка происходил прямо из единственных версий действующих кодов родителей, тогда естественный отбор исключал бы вредные варианты почти с той же скоростью, с какой это происходит у бактерий. Каждый участок родительских кодов был бы либо случайно отброшен при сборке кода ребёнка, либо сразу же подвергался бы испытанию жизнью. Отсидеться несколько поколений в запасном составе у этого участка кода не было бы никакой возможности.

Но зачем нам вообще сохранять вредные мутации? Возможно, причина в следующем. Мутировавший элемент генетического кода, вредный в сочетании с определёнными версиями других участков кода, может оказаться полезным для выживания в другом сочетании. Кроме того, вредная в одних условиях мутация может оказаться полезной в других, как светлая кожа при нехватке солнечного света. Поэтому для эволюции оказалось выгодным прятать от немедленного отбора и накапливать вредные мутации в удвоенном генетическом коде, чтобы можно было проверить их в разных условиях и в разных сочетаниях. Таким образом, при половом размножении происходит *неокончательный* отбор участков генетического кода, и это даёт возможность их дальнейшего комбинирования.

Половое размножение с применением двух кодов особи создаёт шанс для множества попыток использования каждой мутации гена, тогда как при бесполом размножении есть только одна попытка. Если прямо здесь и сейчас новая мутация не даёт выгоды для размножения бактерии в сравнении с прежними версиями кода, эта мутация раз и навсегда уничтожается естественным отбором. Двупольный же вид, в отличие от бактерий, несёт в своём коде много недавно изменённых генов, которые он время от времени пробует применить в новых сочетаниях как с древними генами, так и с другими недавно мутировавшими. Большинство этих попыток приводят к гибели организма. Но изредка новая комбинация приводит к

скачку развития, который был бы невозможен при последовательном добавлении только полезных мутаций. Впоследствии удачные комбинации генов каким-то образом наследуются совместно и уже составляют новый единый ген.

Живое существо двуполого вида не является одним из своих родителей с небольшой добавкой генов от другого. Это новое существо, сходное с каждым из родителей примерно в равной степени. Развитие многоклеточных видов требует не только чистого воспроизведения генетического кода, необходимого для роста организма. Для их размножения необходимо нарушение первого порядка, чтобы создавался смешанный генетический код в каждом поколении. Понадобился очень сложный порядок развития с неокончательным естественным отбором, чтобы жизнь стала сложной и по своей структуре. Мы можем назвать этот сложный порядок *вторым порядком развития живой природы*.

Он представляет собой порядок комбинирования или собирания кода, когда генетический код распространяется в пространстве и времени путём утраты его целостности и посредством соединения случайной части одного исходного кода с дополняющей частью другого генетического кода. При этом значительная доля полученного кода ещё и укрывается от немедленного отбора и хранится для возможного будущего использования. Здесь имеет место не просто пошаговое изменение кодов с естественным отбором каждой мутации, а их полная разборка и сборка в новой комбинации в двух вариантах для неокончательного отбора.

Такое отличие второго порядка от первого существенно меняет скорость развития. Если сотворение кода через мутации и чистое воспроизведение означает только разветвление историй развития и полное разделение потомков, то порядок собирания кода соединяет две разные истории в общем потомке двух родителей.

Отметим, что для многовариантного собирания кода требуется хранение значительных неиспользуемых объёмов кода в генетическом фонде. Это означает снижение эффективности использования кода, допустимое только при низкой цене хранения и копирования неиспользуемой генетической информации.

Тот факт, что основная часть кода любого вида совпадает у всех особей, не снижает важности комбинирования вариантов в несовпадающей части этих кодов. Лишь эта часть развивается в рамках второго порядка, и лишь она обеспечивает ускоренную эволюцию. Область разнообразия кода двуполого вида мы вполне можем назвать генетическим дискурсом этого вида (от латинского “расхождение”).

Когда даже неокончательный и замедленный естественный отбор в конце концов уничтожает все версии определённого участка видового генетического кода, кроме самой живучей его версии, этот единственный выживший вариант уже выходит из области дискурса. Он становится частью видового стандарта, который в дальнейшем развивается лишь в рамках первого порядка. Гены, совпадающие в двух кодах живого существа, просто копируются при сборке его наследственного вклада в потомство, как и цельные коды бактерий.

Второй порядок развития генетического кода принципиально отличается от первого. Однако, второй порядок не отменяет первого и не борется с ним, потому

что сложному организму нужны процессы роста тканей, идущие через деление клеток. Между двумя порядками развития нет никакого противоречия, второй порядок просто является системой управления первым порядком. Вторым порядком лишь дополняет первый особым явлением собирания кодов, и это приводит к быстрому перекрёстному развитию, состоящему как из разветвлений, так и из соединений исторического опыта. Заметим, что для собирания любого объёма генетической информации достаточно механизма соединения двух генетических кодов. Последовательное применение этого механизма позволяет собирать коды любого числа предков. Два человека одного пола не могут иметь общих детей, но могут иметь общих внуков, а задержка на одно поколение ничтожно мала по меркам истории биологической эволюции.

Генетический код человека сам организует порядок своего собирания. В каждом новом поколении он объединяет разные версии компонентов кода и применяет их в новых комбинациях. Каждый человек хранит генетический опыт такого числа предков, которое больше численности современного человечества и много больше числа поколений предков за всю историю жизни. Виды второго порядка используют для своего развития опыт сразу множества параллельных жизней прошлого, пока бесполовая архея проходит единственную ветвь развития, состоящую из линейной цепи её предков.

Жизнь второго порядка не является борьбой цельных генетических кодов за выживание и распространение, что составляет всё содержание жизни первого порядка. Эта жизнь оказывается борьбой между версиями определённых участков кода – генов – за место в сборных генетических кодах живых существ. Отдельные гены двуполых видов продолжают развиваться в рамках первого порядка. В принципе, это позволяет сводить второй порядок развития генетических кодов к первому порядку развития генов (см., например, [1]). Но сама возможность такого сведения не отменяет существования второго порядка как более высокой формы развития со своими закономерностями. Отдельные гены тоже могут быть сведены к молекулам, но эти гены имеют свои сложные законы развития, описание которых в учебниках химии было бы не вполне уместно.

Таким образом, для отдельных генов сборный генетический код второго порядка сам является ресурсом, необходимым для выживания этих генов. Это создаёт возможность паразитирования для бесполезных генов. В таком случае возможен успех воспроизводства простого внедрённого кода первого порядка за счёт повышения вероятности гибели сложного кода второго порядка. Это явление можно назвать заражением второго порядка, которое происходит, например, при вирусном поражении клеток человека.

Вирусы вмещиваются в управление живой клеткой путём встраивания в её генетический код своих управляющих команд. Биологи ещё не решили, считать ли вирусы живыми, но в данном случае это неважно. Вирусы развиваются лишь через мутации и копирование, хотя и паразитируют для этого на сложных клетках. Таким образом, вирусы обладают только первым порядком развития. Это пример

паразитного первого порядка, который может использовать второй порядок сложного организма как среду для своего существования.

Есть два исключения из второго порядка развития нашего кода. Развитие половой Y-хромосомы у мужчин и митохондриальной ДНК у женщин идёт в рамках чистого первого порядка. Эти части кода передаются без изменений потомку того же пола и просто размножаются, как генетические коды бактерий.

Следует отличать порядок собирания кода от простого симбиоза кодов, то есть от сожителства, когда два разных вида живых существ лишь используют (эксплуатируют) друг друга, улучшая свои условия жизни и свои шансы на выживание в ходе борьбы за существование. Симбиоз не создаёт второго порядка, поскольку не собирает объединённого кода. Использование ещё не означает объединения. К тому же, широко понимаемый симбиоз не всегда взаимовыгоден, он включает и хищничество, и паразитирование.

Например, люди находятся в неравном симбиозе со многими животными и растениями. Некоторых партнёров по симбиозу мы разводим, кормим, лечим, а потом съедаем. Но и сами мы невольно кормим много живности – от крыс и клопов до бактерий и вирусов. Симбиоз так же необходим для развития сложной жизни, как и первый порядок её распространения. Но даже вместе взятые механизмы деления клеток и их симбиоза не смогли создать многоклеточный организм, хотя древние симбиотические клеточные скопления могли быть важным этапом на пути создания нового порядка собирания генетического кода.

Для человека порядок соединения родительских кодов не сводится ни к взаимовыгодному сосуществованию, ни к случайному смешиванию, ни к утверждению единственного верного образца. Прежде, чем генетический код человека начинает управлять новой жизнью, он выполняет сложную работу по своей сборке из участков родительских кодов. Это собирание начинается уже с умственной деятельности мужчины и женщины по поиску супруга, включает молекулярные процессы случайного выбора участков родительских кодов и имеет продолжение в процессе воспитания культуры ребёнка, которая в будущем повлияет на его выбор пары. Человеческие гены собираются с вовлечением в этот процесс наших мозгов и культур. Этот очень сложный второй порядок, который мы называем любовью и семьёй, определяет сущность нашего вида.

Можно считать опытным фактом, что только второй порядок развития генетических кодов привёл к созданию многоклеточных живых существ с их сложной и целесообразной структурой организма. Те функции клетки, которые служат организму в целом и ничего не дают для выживания и распространения самой клетки, можно назвать функциями второго порядка, запрограммированными в генетическом коде.

Как и первый порядок, второй порядок живой природы имеет свои два специфических проявления. Во-первых, он распространяется путём собирания с применением неокончательного отбора. А во-вторых, он управляет коллективным поведением клеток, выстраивая из них сложный организм. Для простоты мы

объединяем эти два порядка в одно понятие второго порядка развития.

Так, код второго порядка держит под контролем индивидуальную борьбу клеток организма за их отдельное существование, а также многие процессы их сожительства. Наш симбиоз с желудочными бактериями контролируется просто через регулирование кислотности среды их обитания. Но своими собственными клетками мы управляем через записанный в них генетический код.

В отличие от бактерий-симбионтов, нашим собственным клеткам запрещено беспорядочно размножаться. Иначе у нас будет рак – болезнь бесконтрольного воспроизведения. Некоторым нашим специально назначенным клеткам разрешено хищнически нападать на чужие клетки – иначе у нас не будет иммунитета. Но им запрещено нападать на своих – иначе развивается аутоиммунное заболевание. А поскольку все эти болезни существуют, можно сделать вывод, что второй порядок нашего организма всё ещё не идеален – даже после миллиардов лет эволюции живой природы. Однако, без своего второго порядка человек мёртв, а все его клетки с их сложным генетическим кодом гибнут в борьбе с простейшими микробами, знающими только порядок чистого воспроизведения.

При этом без симбиоза с одноклеточными союзниками нашему организму тоже никак не выжить. Добрый килограмм бактерий внутри нас готовит нам пищу, слой почвенных бактерий на коже подавляет размножение вредных микробов. А ведь недавно люди пытались очищаться от всех микроорганизмов, пытались создать чистый порядок нашего тела. На самом деле этим мы приближали торжество первого порядка жизни над нашим трупом.

Двуполый вид имеет значительную часть генома, которая неизменна и одинакова у всех его особей. У человека эта часть составляет более 99,9% от всего кода. Её можно назвать постоянным кодом или генетическим стандартом данного вида. Изменения в этой части означают болезнь или маловероятную полезную мутацию, ещё не найденную эволюцией. Безвредная же мутация означает, что соответствующий участок ещё не относится к постоянному коду. Поскольку возможно выживание нескольких его вариантов, это область видового дискурса.

Различающаяся у разных особей одного вида область генетического кода составляет генетический дискурс, и эта часть заново комбинируется при каждой смене поколений. Область дискурса обеспечивают то разнообразие генетического опыта, которое расширяет приспособляемость вида. Взятые вместе, все варианты кодов из области дискурса составляют генетический фонд вида. Сужение разнообразия и обеднение этого фонда ослабляют живучесть вида, повышая его шансы на вымирание от вирусной эпидемии или изменения климата. У такого вида не хватает вариантов участков кода, которые можно испытать в новых условиях и в новых сочетаниях. Лишь стабильные условия позволят выживать виду с узким генетическим разнообразием.

Такие условия мы искусственно создаём для наших домашних животных. У породистых животных нет преимуществ перед беспородными и дикими, кроме их симбиотической ценности для человека. Ценность приручённой породы животных

определяется интересами её хозяина, который господствует в симбиозе с нею. У скота всегда повышена генетическая чистота в смысле однородности кода, но эта бедность генетического опыта приводит чистокровный подвид к быстрой гибели в условиях свободы. Слишком узкий генетический дискурс или, что то же самое, высокая генетическая чистота двуполого вида всегда означает вмешательство искусственного отбора со стороны господствующей силы, которая контролирует размножение этого вида в своих интересах.

В рамках понятия о втором порядке развития первый порядок можно представить ещё и как вырожденный случай, когда генетический код вида теряет всё разнообразие и становится постоянным, а дискурс отсутствует. Полного вырождения второго порядка до уровня первого можно добиться либо клонированием, либо скрещиванием специально сконструированных близнецов с почти одинаковыми генетическими кодами, которые различались бы только полом, закодированным в Y-хромосоме одного из них.

В человеческой истории были попытки намеренного вырождения второго порядка эволюции путём инцеста среди близких родственников (как у древних египтян), либо путём узкой племенной или кастовой эндогамии – традиции внутригруппового брака. Во всех этих случаях генетическое разнообразие группы снижалось, генетический фонд становился беднее, а развитие генетического кода замедлялось. Происходило это потому, что некая группа людей объявляла себя совершенством и желала себе вечных генетических копий. Жёстко контролируя институт брака, старейшины этих общин разводили себе внуков, как скотоводы разводят скот, потому что для клонирования у них ещё не было технологий.

За это приходилось платить плохой приспособляемостью новоявленного подвида людей к переменам условий жизни. Другим следствием вырождения порядка были наследственные заболевания, которые выходили из запасников рецессивных генов вследствие их совпадения в кодах родителей, а затем лишь копировались из поколения в поколение. Поэтому современные народы в своих культурах запрещают инцест, который разрушает второй порядок развития вида через его вырождение.

Важным фактором для успешного собирания генетического кода является вероятность встречи подходящих партнёров. У бесполок такой потребности нет, для них самая лучшая среда обитания та, где ещё нет их копий-конкурентов. Но двуполые могут вымирать при падении их плотности ниже критической из-за вынужденного инцеста. Поэтому многие двуполые существа живут группами, а не расходятся поодиночке. Более того, малые группы должны иногда обмениваться особями, чтобы избежать инцеста и вырождения. Так что при выборе образа жизни высших животных важную роль играет не только конкуренция за ресурсы, но и нужда в организации собирания генетического кода.

В заключение отметим, что вид второго порядка является для других видов просто конкурентом первого порядка. Второй порядок развития существует внутри вида, а для других видов он просто демонстрирует некое сложное

преимущество, позволяющее ему эволюционировать быстро и точно.

Культурный код и два порядка его развития

Каждым человеком, помимо генетического кода в клетках его организма, управляет ещё и культурный код в его голове. Культурный код можно разделить на участки – отдельные мысли или идеи, которые сохраняются и распространяются, подобно генам живых существ. Такая культурно-генетическая аналогия была впервые рассмотрена британским биологом Ричардом Докинзом в 1976 году в его книге “Эгоистичный ген” [1]. Он предположил, что культурный код человека наследуется и развивается подобно генетическому коду, а наши умы являются средой обитания культурных кодов, состоящих из устойчивых участков.

Кстати, именно он предложил называть любые участки культурного кода “мемами” по аналогии с генами генетического кода. К сожалению, массовая культура сузила и профанировала значение этого слова. Теперь мем – это только ставшая популярной картинка или клип в Интернете. Так что нам придётся обойтись без этого термина.

Развивая культурно-генетическую аналогию, мы вправе предположить, что культурный код тоже имеет два порядка развития – первый порядок чистого копирования и второй порядок, при котором копирование дополнено собиранием кода из разных источников.

Понятие культурного кода отдельного сообщества людей близко к понятию генетического кода живого вида. Конечно, такая аналогия неполна, потому что обмен знаниями между разными сообществами возможен всегда, тогда как генетический обмен между биологическими видами отсутствует. Но несколько тысяч лет назад общины людей развивались в изоляции друг от друга, что позволяет говорить о культурных кодах общин того времени. Разделение культур сопровождалось разделением языков. И даже при отсутствии проблем для обмена информацией, люди могут намеренно формировать отдельные группы, которые не понимают друг друга, даже если говорят на одном языке.

Стоит заметить, что культурный код человека имеет две формы хранения – в памяти человека и в записях на внешних носителях информации. До эпохи компьютеров всё воздействие культурного кода на внешний мир происходило только через человека, а само по себе записанное слово молчало. Запись обеспечивала накопление культурного фонда, но участки записанного кода могли быть прочитаны и использованы исключительно людьми. До сих пор записанный код действует через человека или хотя бы под его полным контролем. Поэтому запись можно считать лишь формой хранения информации, не влияющей на изменение культурных кодов. Это условие в будущем может быть нарушено с развитием искусственного интеллекта роботов, которые будут действовать без человеческого контроля. Тогда будет уже трудно объяснить ход событий с помощью понятия человеческого культурного кода. Впрочем, это будет не нашей

проблемой, а задачей для искусственного интеллекта – если только люди будут настолько глупы, что создадут себе этого конкурента.

Предположив существование двух порядков развития культурного кода, можно сделать ошибку, пытаясь найти в глубокой древности “чистую” культуру первого порядка и ожидая наличия второго порядка лишь в современных обществах. На самом деле человек только тогда стал человеком, когда у него появилась культура второго порядка и он научился разбирать мировоззрения разных людей на части и собирать из этих частей собственное мнение. Иначе говоря, второй порядок культуры – это и есть главный видовой признак человека. У наших обезьяньих предков был только первый порядок культуры, и этот порядок ещё не был человеческим. Мы унаследовали его у животных заодно с многими инстинктами, но добавили к нему второй порядок развития культуры.

Можно считать аналогом генетического первого порядка такой порядок развития культуры, при котором процесс передачи кода происходит без изменений, то есть через повторение всех мнений одного индивидуума в головах у других. У стадных животных так обычно и происходит. Мнение вожака по всем вопросам передаётся в головы всех членов стада без изменений (не считая редких ошибок, за которые положено наказание).

Надо заметить, что у культурного кода нет специального простого механизма размножения, отдельного от процесса выполнения этого самого кода. Наш культурный код нельзя установить в пустую голову, он может лишь переписывать сам себя в процессе своей работы. Таким образом, на фундаментальном уровне у культурного кода человека нет прямого способа вертикальной передачи от предков к потомкам, подобного делению бактерий или передаче генов двуполых видов. В самом общем случае, механизм передачи культуры – это горизонтальный перенос элементов кода от одной личности к другой, подобный горизонтальному переносу генов у некоторых бактерий.

Для культурного кода не существует близких аналогов клонирования или полового размножения, потому что нет путей его бессознательной передачи человеку. Однако, есть возможность существенно приблизить результаты обмена элементами культуры между личностями к результату однонаправленной передачи от источника к приёмнику.

Передача культурного кода сближается с процессом копирования в двух случаях. Во-первых, некий первоначальный объём культуры передаётся почти без изменений при раннем обучении младенца его близкими. А во-вторых, у всех групповых животных есть порядок иерархического подчинения, который превращает горизонтальную передачу культурного кода в почти вертикальный процесс его копирования.

Но копирование кода означает лишь первый порядок развития, подобный размножению бактерий из единственной родительской клетки. Первый порядок развития культурного кода требует безоговорочного подчинения, когда один человек всегда прав, а другие правы только при согласии с ним. В рамках первого

порядка развивается весь культурный код животных, и поэтому их культура меняется очень медленно – ненамного быстрее их генетического кода.

Безоговорочное копирование культурного кода требует однозначного неравенства между участниками обмена. Одни люди только передают свой код, а другие только принимают его. Следовательно, в обществе первого порядка должна быть вертикальная иерархия, однозначно определяющая, кто кого может учить жизни. Заметим, что централизованное управление любой организацией можно считать процессом размножения культурного кода путём его копирования. Каждый приказ передаётся от вышестоящих и принимается нижестоящими, после чего полученный элемент культурного кода участвует в управлении мышлением и поведением нижестоящего.

В отличие от живой природы, первый порядок развития культурного кода чаще всего реализуется не через специальные события размножения, а путём синхронизации между источником кода и его приёмниками. Инструкции и команды приводят умы нижестоящих в соответствие с текущим мнением вышестоящего, с учётом и его мнения о том, настало ли время учить подчинённых тому или иному знанию.

На ранней стадии своего индивидуального развития человек полностью подчиняется первому порядку. Маленький ребёнок более или менее точно воспроизводит в своей голове специально подготовленный культурный код, полученный от матери или другого близкого человека. В рамках первого порядка ребёнок усваивает начала родной речи, слушая своих родителей и повторяя их звуки. Вместе с основами языка его непременно учат послушанию, которое заключается в подчинении другим людям в соответствии с установленным порядком. Иерархия сообщества является ключевым элементом культурного кода первого порядка. Без неё невозможно безоговорочное копирование культуры и невозможен первый порядок развития.

Однако, когда ребёнок уже достаточно хорошо говорит, он обнаруживает противоречия между сложившейся в его голове культурой и новыми для него утверждениями, которые были выражены окружающими. Мозг ребёнка или подростка ищет пути устранения каждого нового противоречия. И обычно такой путь удаётся найти – путём минимального изменения личного культурного кода, необходимого для согласования с поступившей информацией. Но бывает, что выход и не находится. Тогда у человека может наступить серьёзный кризис сознания, грозящий разной степени безумием или даже суицидом.

По мере взросления человек обучается процессу понимания, то есть самостоятельному отбору и принятию в свой культурный код участков чужого культурного кода. Человек понимает или усваивает новую порцию информации, только если встраивает его в культуру своей личности без явных противоречий. Понимание – это выборочный горизонтальный перенос культуры под контролем уже сложившегося культурного кода принимающей личности. Явление понимания принципиально отличается от повторения и подчинения. В процессе понимания

культурный код человека сам изменяет себя таким образом, чтобы включить в свой состав новый элемент чужого культурного кода или новый результат своего опыта. Иногда для это приходится устранить из прежнего кода элементы, противоречащие новому знанию – то есть признать свою неправоту.

Достаточно взрослый человек постоянно собирает свой культурный код из элементов культуры других людей и из обобщённых результатов своего личного взаимодействия с миром. И это уже не что иное, как второй порядок развития кода, который включает процесс собирания. Детский первый порядок подчинения культуре родителей дополняется вторым порядком развития личности благодаря пониманию отдельных мнений разных людей. Понимание приводит к тому, что горизонтальная передача культурного кода запускает контролируемое самой личностью собирание нового кода, что означает второй порядок развития. Таким образом, процесс образования состоит из выучивания чужого цельного кода, понимания элементов чужой культуры и из обобщения результатов своего опыта.

Можно заметить, что второй порядок развития культуры противоречит иерархии. Ведь собирание культурного кода идёт помимо неё, а иногда даже против неё (когда низший по рангу учит вышестоящего). Да и сам процесс выбора учеником принимаемых элементов культуры, необходимый для понимания, уже противоречит безусловному подчинению. Ведь процесс понимания предполагает, что хотя бы в принципе возможно и непонимание, то есть отказ обучаемого верить в истинность предложенных ему утверждений. Если такая возможность просто не допускается общественным порядком, мы имеем дело с полным подчинением, которое требует не понимания, а повторения. Для обучения человека пониманию надо разрешить ему и непонимание, как ни странно это звучит.

Из вышесказанного следует, что для процесса собирания культурных кодов необходима сложная речь. Человеческая речь и второй порядок развития культуры, скорее всего, появились одновременно. Культура чистого первого порядка могла существовать лишь в ту эпоху, когда предок человека подчинялся только стадной иерархии, управляющей животными без слов. Если бы люди всегда общались только через утверждение своего влияния друг на друга путём копирования своего мнения в головы нижестоящих, человечество не вышло бы из животного мира. Для общества первого порядка, каким является стадо или стая, вообще не нужна настоящая речь. Самоутверждение и подражание, благодаря которым животные обмениваются элементами культурных кодов, в общем случае не требуют словесного выражения.

Самоутверждение особи направлено на создание в умах других членов общества представления о высокой значимости этой самой особи. Это по существу копирование индивидуумом его собственного признания своей важности (его самомнения) в головы других. От этого впечатления зависит её выживание в группе, поскольку оно определяет её иерархический ранг. Повышение этого ранга является очень важной целью стадного животного, и процесс такого повышения можно назвать карьерой.

Инстинктивными средствами самоутверждения являются угроза, жалоба и половое привлечение, которые запускают у других членов сообщества ответные инстинкты страха, сочувствия (эмпатии) и полового влечения. Может показаться, что жалоба не очень повышает уважение. Но достаточно вспомнить, как мать учитывает интересы своего плачущего ребёнка, чтобы убедиться в обратном. А уж когда человек на основе жалобы придумал обвинение и осуждение, он получил самое сильное оружие своего самоутверждения – юридическую культуру.

Кроме самоутверждения, у многих видов животных сильно развит инстинкт подражания – особенно у приматов. Они нередко копируют поведение друг друга без явных причин. Впрочем, при этом обычно происходит ещё и самоутверждение особи, дающей образец для подражания.

Рассмотренного комплекса инстинктов достаточно для формирования иерархических структур и стадных карьер у животных. Тогда зачем нам вообще понадобилась речь? Видимо, она необходима для развития изменчивой части нашего культурного кода – той его части, которая ещё не утверждена в обществе и различается у его членов, но уже обсуждается ими. Эта обсуждаемая часть культуры обычно называется дискурсом. Развитие обсуждаемого культурного кода происходит в рамках полноценного второго порядка – путём сопоставления и комбинирования идей, предлагаемых разными личностями и группами.

Побудительные мотивы и методы общения, которые приводят нас к согласованию общего культурного кода, составляют основу пока ещё слабо изученного механизма культурного развития второго порядка. Мы знаем, что противоречия между людьми не всегда заканчиваются пониманием, даже если оно вполне возможно. Человеку нужны дополнительные причины, чтобы вместо принуждения или подчинения добиваться понимания. Но все известные антропологам племена умели не только точно воспроизводить свои традиции (от лат. *trado* - “передавать”), но и строить новые культурные коды, используя речь для равноправного обсуждения, а не только для приказов, жалоб и обвинений.

Конечно, речь человека пригодна и для высокомерных поучений, и для угроз, и для жалоб, и для прямолинейного очарования половых партнёров. Но во всех этих случаях речь служит лишь первому порядку развития культурного кода, основанному на копировании определённого впечатления в головы других людей. Механизм речи не является обязательным для достижения этих целей, как мы видим на примере стадных животных. Так что слово возникло не просто для внедрения определённого мнения в умы людей. Речь совершенно необходима только для равноправного обсуждения, в итоге которого стороны могут составить новое мнение или новый план действий, которых изначально ни у кого не было.

Человек вышел из мира животных, когда научился разговору между равными собеседниками, который не сводился к проявлениям его инстинктов, включая выяснение рангов. Человек свободен не тогда, когда изолирован от общества с его неизбежной иерархией. Он свободен тогда, когда его мысль не только подчиняется чужому мнению, но и в достаточной степени влияет на умы других людей. В

семейной группе численностью до нескольких десятков человек очень редко кто-то один диктует всем остальным то, что они должны запомнить и исполнить без обсуждения. У древних человеческих племён не было диктатуры, иначе они не научились бы разговаривать.

При этом в традиционных общинах, передающих культурный код от поколения к поколению, всегда есть необсуждаемая часть культуры, которая совпадает у всех членов сообщества и потому не вызывает конфликтов. Эта часть культурного кода усваивается в детском возрасте, обычно – через копирование мнения матери. Основы культурных традиций усваиваются одновременно с родным языком, который и сам является традицией, поскольку тоже передаётся от родителей к их детям. Необсуждаемая традиция представляет собой культурный аналог постоянной части генетического кода биологического вида, и она развивается довольно медленно. Новые участки культурного кода попадают в традицию лишь после того, как все другие варианты дискурса исчезнут в процессе отбора.

Традиционное племя человека установило новую иерархию, которая отменила иерархию стаи животных. Традиционный порядок формирует половозрастную специализацию и утверждает иерархию достоинства людей, основанную на последовательности поколений. Такой порядок установился почти во всех выживших племенах в результате гибели тех племён, которые пошли иными путями.

Животные уважают только голод и страх, поэтому лидер стаи сменяется, как только молодой зверь победит старого вожака в драке. Возможно, этот порядок хорош для развития генетического кода, но он ведёт к утрате культурного кода, накопленного старшим поколением. Традиция человеческого племени изменила этот порядок, утвердив высший иерархический ранг предков в сравнении с их потомками, независимо от личных способностей конкретных предков и конкретных потомков. Умершие предки также были включены в племенную иерархию поколений, поскольку унаследованный от них культурный код составляет основу культуры племени.

Другой пример отмены звериной иерархии человеческим племенем даёт половая специализация культурного кода. В животном мире положение особи в стае в основном определяется её способностью угрожать – то есть её размерами, силой и агрессивностью. Агрессивность же зависит от генетически заданной гормональной системы и от опыта прежних конфликтов. У лемуринов и слонов лидером стаи обычно является самка. А у человекообразных обезьян, включая вид человека в его животном состоянии – это самец, который крупнее и сильнее самки.

Но традиция благородного племени, которую можно найти у кочевых, лесных и северных народов, отменила иерархию обезьяньего стада в отношениях полов. В человеческом мире, который появился со вторым порядком развития культурного кода, женщина играет важнейшую культурную роль и имеет все права при обсуждении жизни племени. Говорить она умеет даже лучше мужчин, и

именно она учит каждого младенца человеческой речи. В рамках благородной племенной традиции природная агрессия человека находится под контролем иерархии поколений, которая симметрична в отношении полов. Отец и мать рангом выше сына и дочери, а супруги равны между собой в достоинстве и стоят выше холостой молодёжи.

В иерархии поколений невозможна никакая карьера, поэтому в прочном традиционном обществе стадная карьера вообще не является мотивом для поведения. Однако, благородное племя включает в свой культурный код память о подвигах и преступлениях, которые могут по значимости превысить важность порядка поколений в глазах потомков. Такая память сохранялась благодаря поэтическому таланту творцов слова, что делало их творцами славы. А впечатлить ум выдающегося поэта непросто, поэтому долгая слава ценилась высоко. В итоге желание попасть в культурный код своего племени (стремление к чести и славе) заменило традиционному народу инстинкт карьеры в рамках стадной иерархии.

Традиционному равенству полов никак не противоречила племенная специализация культурных кодов, связанная с распределением деятельности между полами. Нет никаких причин считать такое распределение признаком доисторического неравенства. Благородное племя не считало, что охота и война мужчин важнее женского дела рождения и воспитания детей, или что изготовление топоров и стрел мужчинами полезней изготовления одежды и войлочных стен женщинами, или что мужчина-шаман чем-то лучше женщины-шамана.

А если какое-то племя сильно ошибалось в таких оценках, община исчезала за одно историческое мгновение. Промах мужчины на охоте или в битве с враждебными соседями был прямым следствием плохо скроенной зимней одежды или результатом недостаточной заботы матери о здоровье мальчика в детстве. Дарвиновский отбор первого порядка истреблял весь народ за обиду женщин так же, как и за обиду мужчин, детей или стариков с их ценным культурным кодом.

При всей значимости традиционного кода, в каждом племени постоянно шло обсуждение текущих дел и событий, в ходе которого люди пытались понять друг друга. Такое обсуждение является главным отличием человека от животных. Оно представляет собой основной механизм второго порядка развития культурного кода, поскольку только обсуждение приводит к собиранию культуры из нескольких источников с разным жизненным опытом.

При этом в не слишком большой группе постоянно оценивается способность к пониманию мира у каждого её члена. Ошибка одного, повторённая группой, приводит к быстрым и очевидным потерям, и все запоминают её автора, снижая доверие к его мнению. Поэтому в сложных обстоятельствах традиционная иерархия поколений могла временно нарушаться, а карьерная борьба становилась существенной, хотя она уже не была чисто животной, поскольку основывалась не только на страхе, но и на доверии к идеям и словам потенциальных лидеров.

В доцивилизационную эпоху люди расселялись племенными группами, которые поддерживали между собой культурные связи. Культурный код собирался

успешней всего при оптимальной интенсивности обмена информацией, когда групповая культура успевала разобраться с каждой новостью и усвоить её без потери своей цельности и работоспособности. При слишком низкой плотности населения и медленных средствах сообщения почти не происходит собирания кода, а почти всё развитие культуры остаётся в рамках первого порядка. Поэтому с началом неолита уплотнение населения и развитие транспорта играли одинаковую роль для развития культурного кода. Для второго порядка одомашнивание лошади кочевниками имело почти тот же эффект, что и развитие земледелия в долинах рек с уплотнением оседлого населения. В обоих случаях люди ускоряли культурный обмен, потому что больше общались между собой.

Но в сообществах, состоящих из большого числа незнакомых и незначимых друг для друга людей, равноправное обсуждение подавляется. Человек не успевает понять всех, и поэтому он вынужден избирательно отказываться окружающим в понимании, выбирая разные варианты поведения без понимания. Первое, что происходит при чрезмерном потоке информации – это размывание традиционной структуры сообщества. Иерархия предков теряет значение, потому что культурный код уже не столько наследуется по вертикали поколений, сколько передаётся горизонтальным путём в хаотической среде города. Беда в том, что поток обмена сильно превышает возможности понимания, и люди постоянно вталкивают друг другу в головы непонятные им куски культурного кода. В конце концов это очень подрывает веру человека в надёжность его собственного ума.

Но гены человека древнее культуры, и на случай умственного хаоса в них есть готовый кризисный ответ. Происходит специализация поведения людей, когда большинство теряет уверенность в себе, а меньшинство ошибочно думает, что всё понимает. Городская иерархия строится на основе уверенности, уже не связанной с пониманием. Самый уверенный и агрессивный берётся руководить, а большинство сомневающихся ему подчиняются – так же, как это происходит в стаде животных.

Так называемый эффект Даннинга-Крюгера (известный уже многие тысячи лет) придаёт больше всего уверенности именно самым непонимающим, потому что они даже не понимают, что чего-то не понимают. Самые уверенные в себе люди ещё и учат жизни всех других ради своего утверждения в новой иерархии. Ситуация усугубляется тем фактом, что в большом обществе ошибки ведут только к отложенным потерям. Люди не могут связать ошибку с её последствиями, и не видят причин отказывать самоуверенным лидерам в доверии.

В больших поселениях ранних цивилизаций человек по существу сходил с ума, пытаясь решить безнадежную задачу понимания всего потока поступающих в его мозг участков культурного кода. Одним из путей решения проблемы перегрузки мозга и стала специализация, когда человек принимал только ту информацию, которая имеет отношение к его узкому дискурсу, в обсуждение которого вовлечена лишь малая часть окружающих его людей. Благодаря специализации отдельные узкие разделы культуры могут успешно развиваться в большом городе в рамках второго порядка, с применением собирания кодов.

Однако, процесс городской специализации захватил не только технологии и науки. Специализация проникает в духовно-политическую сферу, что приводит к образованию изолированных каст и классов, не воспринимающих друг друга по-человечески. Иногда духовная специализация создавала даже границы между воюющими кварталами древнего города. Тогда и появился термин “гражданская война”, который означал войну внутри города, когда соседи вдруг становились настоящими врагами.

В конечном итоге, духовная специализация в античном городе разваливала и губила всё общество. Поэтому на следующем этапе развития цивилизованное общество обязательно создавало специальный духовно-политический культурный код, предназначенный для поддержания его единства. Этому способствовал тот факт, что простейшим решением проблемы перегрузки понимания является отказ от попыток что-либо понять и выбор единого культурного кода, который просто по определению считается правильным.

Разумеется, отключение понимания означает доминирование процессов копирования кода, когда мнение одного заведомо правого человека или узкой группы правильных людей просто внедряется в сознание всех. Такой отказ от второго порядка снимает перегрузку понимания без необходимости в узкой духовно-кастовой специализации. Единый духовный код города позволяет сохранить политическое единство, необходимое для его выживания. Но ценой городского духовного единства является замедление развития культурного кода.

Самые косные культуры и самые узколобые фанатики вышли именно из городских цивилизаций, а вовсе не из первобытных племён. Все мировые религии проходили важнейший этап своего развития в больших городах, где их учения уже практически не создавались, но зато обрастали иерархическими структурами, канонизировались в записях и превращались в необсуждаемые традиции. Иисус создал свою веру в римской провинции, но только столичный Рим сделал из веры религию. Религия города заменяет собою процесс понимания и даже ставит человеку в вину попытки что-то понять в обход церковной иерархии.

В результате разрушения традиционной культуры племён поведение людей в больших городах вновь приблизилось к поведению стадных животных. Они снова сформировали обезьянью иерархическую систему, как прежде пытались повысить свой стадный ранг в процессе карьеры и следовали за самым уверенным вожаком. Так в античных цивилизациях возродился феномен диктаторской безоговорочной власти над стадом, которой у человека не было со времён создания языка и до постройки городов в зонах поливного земледелия.

В ранних городах племенная традиция теряет своё влияние, поскольку не успевает приспособиться к потокам информации и оставляет без решения много вопросов. В результате в цивилизациях традиция вытесняется диктатом командира (“императора” на латыни), мнение которого даёт ответы на все вопросы. Власть диктатора опирается на те же самые врождённые инстинкты человека, на которых основана власть вожака в стае зверей, и она вовсе не связана с чьим-то личным

злым умыслом. Диктатура так же естественна, как и стадо животных, которое никогда не строится по сговору злоумышленников.

Это скорее похоже на стихийный распад второго порядка племенного культурного кода и возврат к преобладанию первого порядка стаи животных. Такой процесс можно назвать городским вырождением духовной культуры, когда безоговорочная власть стадной иерархии заменяет традицию и равноправное обсуждение, присущие человеку как разумному виду. История показывает, что необходимы какие-то особые условия, чтобы избежать этого вырождения в условиях большого города, населённого обычно равнодушными по отношению друг к другу людьми.

Таким образом, примеры чистого первого порядка культурного развития надо искать вовсе не в древних племенах. Их надо искать в стаях животных, или у малых детей, которые ещё не умеют говорить, или же – в больших городах и в подчинённых им цивилизациях, которые парадоксально использовали письменную речь для уничтожения второго порядка развития культуры. Оказалось, что слово, которое возникло для собирания общего мнения, может служить и для простого самоутверждения, управляемого животным инстинктом. Замечания, обвинения и приказы командиров являются, помимо всего прочего, ещё и инстинктивным средством их самоутверждения через наставление.

А когда самоутверждение реализуется через силовые и бюрократические структуры власти, получается почти чистый первый порядок развития культурного кода, присущий стаду животных. Бюрократия является особым видом насилия, когда неизбежно профанированный в записи иерархический код получает прямое действие помимо воли вовлечённых в события живых людей. Необсуждаемые идеи командиров копируются в головы подчинённых под угрозой наказания, а для формальной точности копирования используется письменность. Иногда разные идеологии, возглавляемые разными вождями, сталкиваются между собой, и война между ними приводят к дарвиновскому отбору устойчивых систем.

Заметим, что сам по себе дарвиновский процесс не гарантирует истинности содержания победившей идеологии. Он лишь приводит к победе самой живучей в данных условиях идеи. Например, если идея просто убить всех противников идеи убийства реально исполнима в данном обществе, то в нём и будет править эта идея убийства – таков дарвиновский закон первого порядка развития культурных кодов. Почти все ранние цивилизации быстро скатились к немыслимой жестокости не только по современным меркам, но и по меркам любого традиционного племени. Ранние земледельческие цивилизации были самыми жестокими обществами в истории человечества – таково широко распространённое мнение историков.

Среди культур, обходящиеся без государств и городов, довольно трудно найти общество с преобладанием первого порядка развития культурного кода. Охотники, рыбаки и кочевые скотоводы могут иметь очень древнюю культурную традицию. Но они свободно обсуждают проблемы своей общины, и обычно не выстраивают жёсткой иерархии с обожествлением своего сельского старосты или

семейного шамана. Они не пишут законов, чтобы не подчиниться бюрократии и не превратиться в грамотное стадо. Их свободу ограничивает лишь традиционная культура второго порядка, которая строилась тысячи лет.

Обычно (хотя и не всегда) такая культура требует гостеприимства для незнакомцев – то есть для людей, стоящих вне иерархии данного общества. Она ценит разнообразие мнений – но лишь в пределах, заданных традициями. У большинства традиционных культур есть своя область культурного дискурса, иначе им не о чем было бы говорить. Только если традиции захватывают всё пространство мнений, и без обращения к ним даже чихнуть нельзя – тогда культура утрачивает свой дискурс, а второй порядок вырождается в первый. Но это очень редко происходит в природной среде, потому что жизнь в степях, в тайге или в пустыне наглядно показывает пределы любой традиции и заставляет людей обсуждать реальный опыт, а не одну только традиционную теорию.

Свобода слова возникла вместе с самим словом, а собрания общин возникли вместе с человеческой речью. Современные цивилизации горды свободомыслием и парламентской демократией, но им стоило бы помнить, что речь идёт лишь о возвращении первобытного второго порядка человеческой культуры и о развитии древнейшего племенного дискурса. Несколько тысяч лет назад этот порядок был уничтожен в рабовладельческих цивилизациях Ближнего Востока, Индии, Ирана и Китая. И даже Древний Рим, который сначала был республикой традиционных племён, закончил свои дни как коррумпированная империя первого порядка.

В последние тысячелетия второй порядок культуры устойчиво сохранялся только вне городов, и в первую очередь – у кочевых племён, которые общались с разными народами и поселениями, что развивало у кочевников особые коды культурного обмена. Лишь в Новое время образ Свободы вернулся в Европу во фригийском колпаке. Этот головной убор кочевников стал символом Франции. Впрочем, из Франции в Америку отправили статую другой Свободы – в римской тоге и с имперской короной на голове.

Можно заметить, что разные сектора культуры развиваются с разной степенью выраженности второго порядка. Несколько разделов культурного кода развиваются преимущественно в рамках первого порядка. Первым примером является сам язык. Лингвистами доказано, что языки размножаются путём разветвления одного языка на несколько новых. Они расходятся в результате накопления случайных различий, аналогичных мутациям генотипа. Хотя между ними и есть обмен словами, это не создаёт настоящего второго порядка развития языков. Такой порядок собирания означал бы, например, что два языка иногда порождают новый язык, собранный примерно в равной степени из двух своих источников. Но обычно такого не происходит, потому что каждый язык является культурным стандартом для своей группы людей и должен меняться очень медленно, чтобы оставаться понятным.

Для развития любого стандарта подходит медленный первый порядок. Есть понятие “война стандартов”, когда каждый из культурных кодов, описывающих

некие правила, пытается вытеснить все альтернативы. Бывает разветвление стандарта на две версии из-за расхождения во мнениях (мутация стандарта). Но очень мало есть примеров объединения стандартов. Нельзя сказать, что это вообще невозможно, но за каждым культурным стандартом стоят чьи-то сильные мотивы самоутверждения, мешающие объединению.

Война людей тоже является формой войны культурных стандартов. Даже если участники войны задумывают установить генетический стандарт путём геноцида, они в реальности слабо меняют гены населения своими убийствами. Но зато они насильно распространяют антинаучный культурный код расизма. Расовую войну ведёт культурный код в виде расовой теории, а не сама реальная раса, которая даже не имеет нормального научного определения.

Во всех прочих войнах ведущая роль культурного кода очевидна – люди убивают друг друга за религиозную веру или политическую теорию (духовный стандарт), за расширение сферы применения своего языка (стандарта общения) или за правила товарообмена (экономический стандарт). Люди думают, что они воюют за землю, а на самом деле землю защищают и отбирают друг у друга культурные стандарты, управляя мозгами людей. Война стандартов порою приводит к тому, что агрессивные культурные коды требуют убивать людей с другими культурами ради расширения среды обитания своих агрессивных копий в будущем. Получается, что первый порядок развития культурных стандартов управляет любой войной, как первый порядок развития генетического кода направляет борьбу микробов за существование.

Лишь присущий человеку самый древний второй порядок культуры или новый специально разработанный стандарт второго порядка могут принести мир, потому что только второй порядок собирает, а не разделяет. Он создаёт правила развития культурного кода через понимание, а не только утверждает единый код, требующий своего копирования.

Поскольку второй порядок культуры основан на обсуждении, ключевым его элементом является свобода слова – не просто свобода издавать звуки и писать, а лишь свобода осмысленного и равноправного обсуждения. Свобода угрожать, перебивать, провоцировать и отвлекать – это тоже формальная свобода слова. Но ничем не ограниченная свобода вредит второму порядку, угнетая обсуждение и препятствуя обмену элементами культурного кода. Свобода нести всякую чушь разрушает второй порядок за счёт заглушения всех разумных идей.

Так что формальная свобода слова не самоценна. Её ценность обусловлена только её пользой для второго порядка развития культурного кода. Фактически это означает, что истинная свобода слова при больших плотностях информационных потоков требует иерархии источников информации – разумного первого порядка, который отделяет заслуживающие доверия источники от сомнительных. Ничего странного в этом нет, ведь второй порядок является управляющей надстройкой над первым, а не полной заменой для него.

Мотивы деятельности человека и его духовная культура

Почти все участки культурного кода человека требуют какой-то причины для начала своего действия. Среда существования культурных кодов в голове человека не так велика, чтобы позволить им работать всем одновременно. В этом наш мозг похож на компьютер, в котором далеко не все имеющиеся в долговременной памяти коды всегда выполняются процессором и занимают оперативную память. Каждый компьютерный код для начала его действия должен быть запущен. Наши личные культурные коды тоже надо периодически запускать, потому что они довольно быстро прекращают свою работу, если только не попадают в какой-нибудь болезненный цикл вроде наркотической зависимости.

У любого нашего поступка есть первоисточник (мотив) – то желание или побуждение, которое запустило последовательность наших мыслей и деяний. Слова “мотив”, “эмоция” и “мотор” имеют общий латинский корень и означают причину какого-то движения (лат. “motus”). Но эти слова ничего не говорят о том, как работает эта причина. Среди наших мотивов можно выделить побуждения, которые есть у многих животных. Прежде всего это разные физические страдания и страх перед ними, включая страх смерти. Есть и положительные природные мотивы – желание вкуса хорошей пищи, стремление к удобствам, сексуальное влечение. Важным природным мотивом является стремление к самоутверждению в своей группе. Эти мотивы полностью определяют поведение обезьян, но их недостаточно для развития второго порядка нашей культуры.

Археологам известно, что ускоренное технологическое развитие у первобытных людей началось вместе с такими бесполезными действиями, как захоронения умерших, создание изображений, изготовление украшений и музыкальных инструментов. Эти непрактичные действия отражают появление новой системы мотивов, эмоций и побуждений, которую обычно называют духовной системой. Именно она стояла в начале пути человека к его культуре второго порядка. Зачем же нужна духовная система человеку?

У взрослого человека есть управляющий культурный код, который запускается с каждым пробуждением мозга без внешних причин и без внутренних сигналов организма. Этот стартовый код запускает у нас множество других специализированных кодов, добиваясь последовательного поведения личности в условиях постоянных прерываний, вызванных внешними и инстинктивными мотивами. Этот управляющий код отсутствует у животных и у маленьких детей, которые просыпаются просто в состоянии готовности к восприятию внешних стимулов и внутренних ощущений. Управляющий культурный код человека иногда называют стержнем личности, волей или его духовной основой.

Духовные мотивы оказывают большое влияние на ход событий, если они совпадают у группы людей. Коллективная духовная система является культурным стандартом формирования общих эмоций и мотивов. Она состоит в наборе правил,

по которым определённые символы, звуки, слова, ритуальные действия и мифологические сказания имеют свойство включать у человека сильные эмоции и запускать мотивы для действий. Основа духовной системы усваивается малыми детьми под руководством старших вместе с началами родного языка. Но есть и такие сложные элементы духовной системы, которые человек развивает в себе в процессе образования под влиянием общества – в том числе и духовная основа любви, которая вовсе не передаётся нам генетически.

Если два человека имеют совсем разные настроения по любому поводу, они эмоционально чужие друг для друга. Вряд ли они смогут сделать вместе большое дело, ведь их мотивы часто не совпадают. Но если они воспитаны под действием общей духовной системы, вероятность совпадения мотивов у них будет выше, и они будут взаимодействовать лучше. Важнее всего то, они будут стремиться к взаимопониманию и не будут тратить много времени на дарвиновскую борьбу первого порядка между их личными культурными кодами.

Таким образом, общий духовный мотив является сильным мотивом для поиска взаимного понимания. Если у людей есть общая страсть, они часто разговаривают, обеспечивая второй порядок развития их общего культурного кода. Тысячи лет никого особо не интересовал вопрос о том, насколько правильна, логична или эффективна коллективная система духовных мотивов данного общества. Важнее всего было само наличие духовной системы, поскольку племя без духовной общности проигрывало в борьбе за существование. При этом дарвиновский отбор племён вместе с их духовными культурами выявлял и сохранял самый живучий духовный код.

Изучать духовные мотивы ещё труднее, чем изучать врождённую мотивацию людей и животных. Все мотивы действуют через наше подсознание, и духовные – тоже. Но духовные мотивы не даны нам от природы. Они создаются в процессе взаимодействия сознания человека с его подсознанием. Различие между врождённой и духовной мотивацией подобно разнице между безусловными и условными рефлексам, но понятие мотива по сравнению с понятием рефлекса означает явление более высокого уровня сложности. Мотивы вызывают долгосрочные и сложные последовательности действий, в отличие от рефлексов. Кроме того, мотивом мы называем только исходное побуждение, а рефлексы запускают друг друга по цепочке.

Когда-то биологи надеялись описать всё поведение человека на языке рефлексов, но эта мечта не сбылась. Возможно, на самом базовом уровне всё и сводится к рефлексам, как работу компьютера можно описать в терминах электронных переключений. Но программируем мы всё же на языках высокого уровня, и человеческое поведение удобней обсуждать на языке культурных кодов, а не простых рефлексов.

Можно предположить, что именно духовная система человека, которая появилась в раннем первобытном обществе, создала мотивы для систематического собирания культурных кодов путём их обсуждения и понимания. Чтобы люди

разговаривали и понимали друг друга, у них должен быть общий мотив для этого. А это значит, что духовная система если и не предшествовала умственной работе древнего человека по формированию его языка, то развивалась одновременно с языком, создавая мотивы для разговора и понимания.

Так же, как источником развития генетических кодов являются случайные мутации, причинами развития культурных кодов могли быть эмоции необычных индивидуумов, скопированные в головы других людей через эмоциональную, но ещё примитивную речь. При всей нелогичности древних мифов и культов, они создавали новые духовные и эмоциональные языки. С помощью этих языков шаманам удавалось убедить людей выйти за пределы обыденности и сделать что-то безумное или что-то гениальное. А потом в действие вступал дарвиновский отбор и оставлял в живых лишь то племя, которому повезло оказаться гениальным, а не просто безумным. Выжившие в борьбе за существование слова и ритуалы составляли общий культурный стандарт, помогающий собиранию новых идей.

В стабильном обществе духовная культура может долго развиваться в рамках первого порядка – через копирование и мутации. Но очень большой обмен информацией с другими культурами или резкие изменения общественного устройства обычно приводят к собиранию духовности из разных источников. Поэтому в масштабах тысячелетий духовность развивается всё-таки во втором порядке, хотя люди этого могут и не осознавать. Любая мировая религия собрана из более древних учений и мифов, но обсуждать своё реальное происхождение она очень не любит.

Духовность, как и язык, является частью механизма всего культурного развития второго порядка. Мы не знаем, как действует на нас искусство, но оно точно влияет на наши мотивы. Духовная система создаёт настроение и намерение задолго до начала наших действий, а наш внутренний дух является первопричиной успехов и неудач в наших деяниях.

Военные хорошо знают это, и поэтому они уделяют большое внимание укреплению боевого духа солдат и офицеров. Впрочем, военная духовность не очень способствует собиранию культурного кода в долгосрочной перспективе, потому что война является борьбой первого порядка. Тем не менее, собирание армии невозможно без коллективной духовной системы, а духовно разобщённые воины не побеждают в войне. Так что боевая духовность, создавая общие мотивы, инициирует процесс собирания военной культуры.

Бездуховные племена проигрывали борьбу за существование и погибали, так что люди выживших племён в большинстве своём были духовны. Они имели развитую коллективную систему мотивов и сильную волевою систему у каждой взрослой личности. Но цивилизация ослабляет естественный отбор по признаку силы духа. Цивилизация создаёт массу военных и производительных сил, и потому духовная культура, на первый взгляд, становится ей вообще не нужна.

Если цивилизация выигрывает свои войны независимо от боевого духа солдат – просто благодаря их численности, снабжению, дисциплине и оружию – то

её солдаты постепенно утрачивают боевой дух. Если экономика цивилизации успешно развивается при самых равнодушных отношениях между людьми, без духовно мотивированных усилий любящих родителей и верных супругов, то сама духовность любви и верности исчезает, потому что ослабляется отбор в пользу этих духовных культурных кодов. В итоге духовный культурный код цивилизации деградирует, несмотря на усилия государственной церкви.

Городские религии когда-то присвоили духовную культуру традиционных племён, утверждая в своих учениях, что до религий люди были звероподобны. На самом деле нет никаких доказательств того, что до принятия христианства славяне и германцы были хуже своих крещёных потомков. А степные всадники, считавшие себя потомками Тенгри, были уж точно свободнее ближневосточных горожан, которые стали рабами Аллаха. Но даже с монополией на духовность религии не могли справиться с духовным распадом цивилизаций. Ближневосточная традиция, усвоенная христианами и мусульманами, бессильно проклинает животные страсти и гордыню городского человека в образах вавилонской блудницы и вавилонского столпотворения.

При этом развитие специальной технической культуры всегда ускорялось цивилизацией благодаря общению между людьми с редкими способностями и склонностями к изучению необычных явлений. Многие разделы культурного кода для второго порядка развития требуют не разговора между любыми людьми, а только обмена мнениями между узкими специалистами. Они и создают свой специальный дискурс культурного кода, которого не существует для большинства населения. В таком случае ни у кого нет перегрузки сознания, ведь в обсуждении специального дискурса участвует мало людей.

Так, для развития физики и математики очень долго была важна личная переписка между отдельными учёными, разбросанными по городам Европы. Ускорения развития науки могло бы не случиться, если бы возросшая плотность европейского населения не создала необходимую концентрацию одарённых личностей. Только эти редкие люди и собирали новые коды своих разделов культуры, отгородившись от потока безумных новостей эпохи.

Там же, где плотности населения и скорости почтовой связи не хватало для объединения редких идей, потенциальные великие математики прожили свою жизнь пастухами, воинами или вождями, которых уважали за логику суждений или меткость стрельбы из лука – если только не жалели из-за какой-нибудь нервной болезни, которая нередко сопутствует потенциальной гениальности.

Таким образом, в условиях цивилизации одновременно идёт деградация коллективного человеческого духа и быстрое развитие специальных технологий, что угрожает самому существованию этой цивилизации. В конце концов она оказывается населена духовно недоразвитыми особями без разумной цели, но зато со зверскими карьерными амбициями. При этом в распоряжении этих бездуховных людей оказываются мощные средства взаимного истребления. Иначе говоря, на конечной стадии развития цивилизация состоит из узко специализированных

обезьян с гранатами в руках. В итоге многие погибшие цивилизации уничтожили себя сами, о чём не стоит забывать.

Важно понимать, что сам по себе факт наличия духовных мотивов не гарантирует успеха или хотя бы правильности направления развития. Не только свои высшие достижения, но и худшие злодеяния люди творили под влиянием духовных мотивов, которых нет у животных. Так что духовность бывает совершенно ошибочной, как и любой другой культурный код. Но в конечном счёте все творения человеческого духа фильтруются суровым дарвиновским отбором первого порядка – хотя бы и ценой уничтожения целых заблудших цивилизаций.

Вера и религия

Верой мы называем убеждение, которое не подвергаем сомнению слишком часто. Например, наука верит в неизменность открытых ею законов, а также в то, что опытное изучение природы помогает пониманию мира. Но доказать эти положения с математической строгостью невозможно. Так что мнение о важности науки – это лишь подтверждённая опытом вера учёных. В общем случае вера не исключает возможности проверять её положения, не запрещает себя обсуждать и не препятствует своим изменениям. Так что в принципе вера может развиваться в рамках второго порядка и соединять в себе собранные со всего мира идеи. Однако, если вера сама запрещает любые изменения в ней, она становится религиозной верой, второй порядок развития которой невозможен.

Не каждая вера является религией. Своя вера есть у любого человека и у каждого народа, но канонизированная и организованная религия (от лат. religare – связывать) на основе какой-нибудь веры создаётся лишь городским государством в рамках цивилизации. Каждая цивилизация на каком-то этапе своего развития осознаёт угрозу, исходящую от духовной разобщённости, и выбирает подходящую веру для государственного проекта официальной духовности. Государство может даже атеизм превратить в догматическую религию, как это произошло с китайским конфуцианством и немецким марксизмом. И тогда происходит вырождение второго порядка духовного развития. Ограничение собирания духовных культурных кодов приводит к разделению людей по конфессиям и сектам, а страх перед распадом общества приводит к единому религиозному проекту, который запрещает собирание духовных кодов из разных источников.

Но в чём же состоит первопричина того, что цивилизованное государство само уничтожает второй порядок развития своей духовной культуры? Возможно, цивилизация с её большими городами просто создаёт большое преимущество первому (стадному) порядку культурного кода, что и приводит к угнетению второго порядка. Люди в городе перестают обращать друг на друга внимание, потому что количество возможных диалогов превышает возможности мозга. И тогда избыток информации превращается в игнорируемый шум. Человек в большом городе теряет внимание людей и их уважение, заменяя человеческие

отношения симбиотической техникой правил и законов. Город является безликой массой, с которой можно логично взаимодействовать по определённым правилам. Но с ней нельзя разговаривать, как человек разговаривает с людьми. Город – это безличное и бессмысленное существо, при всей массе его лиц и слов. Он даже не может обидеться на такое оскорбление.

Городская масса состоит не из цельных людей, а из их физических тел и узких элементов их сознаний, которыми каждый человек участвует в симбиозе городской жизни. Люди цивилизации спасают сознание самоизоляцией, и из-за этого они утрачивают коллективное сознание, присущее селу и племени. В итоге горожане в большинстве теряют мотивы для второго порядка развития духовной культуры, который требует труда для понимания другого человека. Они становятся высокомерны и превращаются в духовное стадо, которому нужен пастырь.

Для объяснения духовной деградации города можно предложить и биологический пример. Если природная среда хороша для простых генетических кодов, они и побеждают в конкуренции с более сложными, потому что быстрее осваивают ресурсы и размножаются. Человек вовсе не доминирует в тропических джунглях, кишачих жизнью, потому что там слишком хорошо живётся бактериям, насекомым и змеям. Сложному порядку развития предпочтительнее та среда обитания, которая хотя бы частично подавляет самых примитивных конкурентов.

Большой город представляет собой питательные джунгли для примитивных культурных кодов, унаследованных нами из животного мира. Эти коды живут за счёт обмана и ухода от ответственности. Город порождает множество видов воровства и мошенничества, о которых традиционные племена даже не слыхали. Мотивация обманщика находится на уровне культуры животного мира, в котором биологи нашли множество примеров манипуляции сознанием. При этом для лжи вовсе не нужен развитый мозг. Например, хитрые методы маскировки насекомых созданы отбором генов, а не мозгами.

Если люди не уважают друг друга, считают друг друга недоумками или негодьями, они неизбежно находятся во власти культурных кодов первого порядка, потому что не желают понимать друг друга. Впрочем, им и не надо особо доверять друг другу в условиях города. Для симбиоза достаточно минимального доверия для выполнения внешних правил поведения при обмене товара на деньги.

Однако, во время войны или в процессе быстрых политических изменений цивилизация нуждается в доверии между гражданами и в восстановлении их общей духовности, потому что ей нужен боевой дух солдат. Это достигается с помощью городской религии. Её задача состоит в том, чтобы подчинить умы людей государственной церковной иерархии и отправить верующих на войну. Церковная организация использует людей в своих интересах, так что тут имеет место симбиоз культурных кодов первого порядка.

Подобные правила неравноправного симбиоза культурных кодов человек устанавливает во взаимоотношениях с домашними животными, над которыми он господствует благодаря превосходству ума. Приручённым животным приходится

доверять хозяину, потому что проверить его они не могут. Когда в цивилизованном симбиозе между людьми существует большое интеллектуальное неравенство, отношения могут быть аналогичны отношениям между пастухом и его скотом. Но в условиях примерно равного образования неравный симбиоз становится неустойчивым и угрожает жизни его участников. В этом случае возможны два варианта развития событий.

Теоретически, городской симбиоз может перейти во второй порядок развития культуры, когда люди начинают вместе создавать общий культурный код, в построении которого участвуют все стороны. В реальной жизни это происходит очень редко, при исключительном стечении обстоятельств. И тогда в городе восстанавливается демократия племени.

Но более типичный вариант развития цивилизации – это сохранение неравноправного симбиоза путём ограничения умственного развития угнетённых членов общества. Это достигается в рамках классовой или кастовой системы, когда система образования господствующего класса закрыта для прочих. В этом случае цивилизации необходима общая церковь, которая хотя бы формально объединяет все классы общества и следит за соблюдением общих правил в меру собственной симбиотической выгоды. Поэтому в истории большинства древних цивилизаций можно проследить три этапа: сначала племенная демократия, затем тирания императоров и, наконец, религиозное государство. Впрочем, это довольно длительный цикл – не менее тысячи лет. Не каждая цивилизация успевает пройти его полностью до своей гибели от других причин.

Культура познания

Проверять разумность своего пути заранее люди ещё не умеют, и поэтому они постоянно находятся под угрозой войны, которая представляет собой дарвиновскую борьбу первого порядка между разными коллективными кодами духовных культур. Единственный способ сократить вероятность ошибок и обойтись без войны – это опережающее развитие того раздела культуры, который специально предназначен для улучшения нашей способности понимания. Речь идёт о культуре познания. Одним из важнейших наших культурных кодов является культура познания мира, поскольку от представлений об этом мире зависит весь культурный код. Изучая пути развития знаний, можно убедиться, что этот сектор культуры тоже имеет свои два порядка развития.

Первый порядок познания почти в чистом виде реализован в тех культурных традициях, которые требуют передачи мировоззрения безо всяких изменений. Этот порядок подобен первому порядку воспроизведения генетического кода. Простым аналогом генетических мутаций для культурного кода являются ошибки передачи традиции в виде описок, дефектов речи и сбоя челоуеческой памяти. Впрочем, у культуры есть один источник изменений, не имеющий биологических аналогов –

это творчество отдельных людей, создающих новые идеи в своей голове.

Творчество человека сложнее случайных мутаций, а вероятность его успеха выше, потому что люди обычно проверят свою мысль перед её передачей другому. Да и не каждую новую идею все тут же берутся хранить, повторять или применять, как это происходит с мутациями генетического кода. Взрослый человек не будет исполнять или распространять всё, что он узнал от других. Этому препятствует необходимость понимания, то есть разбора и встраивания элементов чужого культурного кода в свой собственный.

У человека есть способность критического восприятия новых идей, что можно считать механизмом неокончателного отбора культурного кода. Критика и сомнение проверяют новый участок кода на его согласованность с прежним культурным кодом перед тем, как начинать испытание новшества на опыте. Это повышает надёжность новых идей, хотя и приводит к инерции культурного развития.

В рамках первого порядка развития познания жизнь однажды созданной идеи сводится к её воспроизведению и распространению вместе с набором исходных идей, на которых она основана. Это происходит через копирование в сознание обучаемого человека определённого целостного культурного кода, для которого этот человек становится средой обитания. Порядок развития через копирование в идеале не допускает изменений кода. Неизменяемый и не подлежащий сомнению культурный код мы называем догмой, которая состоит из установок сознания.

Для внедрения догмы в голову человека у него должен сработать некий код культурного подчинения (“обращения” в религиозном смысле). Культурное подчинение отличается некритичным принятием чужого мнения в его целостном виде, безо всяких сомнений и поправок. Иногда это просто результат подражания. Но бывает, что такая доверчивость достигается воздействием на другие мотивы человеческой личности. Так, порою применяется страх наказания и обещание вознаграждения, подобно кнуту и угощению при дрессировке животных.

Традиция догмы обычно признаёт случившиеся в далёком прошлом чудесные акты обретения знания, но запрещает попытки новых изменений. Если заметное изменение догмы всё же происходит, рождается новая догма, враждебная прежней. Такой порядок развития аналогичен порядку развития генетического кода бесполок живых существ, у которых новый успешный вид вытесняет своего предка из среды обитания. Редкие заимствования из чужих культурных кодов аналогичны горизонтальному переносу генов у одноклеточных существ.

Следуя культурно-генетической аналогии, мы можем ожидать, что второй порядок познания – порядок собирания знаний – должен состоять в отказе от неизменности цельного традиционного культурного кода при сохранении его устойчивых элементов в составе новых комбинаций. Такое собирание культуры требует работы по выявлению культурных различий и по оценке элементов чужого культурного кода в сравнении с элементами своей культуры. Понимание – это

очень трудоёмкое умственное занятие, в отличие от подчинения или полного отрицания. Для понимания человеку нужен контроль над своим инстинктом самоутверждения, чтобы принять элемент чужого мнения, если он оказался обоснованным. Но необходим и контроль над инстинктом подражания, чтобы не допустить внедрения в своё сознание чужого мнения без его проверки.

Как и для генетических кодов живой природы, второй порядок развития культуры познания не существует без первого порядка. Прежде, чем что-то обсуждать и понимать, человек должен хотя бы что-то выучить. Без такого начального заучивания у него просто нет собственного культурного кода, на основе которого можно достигать нового понимания.

Второй порядок развития культуры не сводится ни к навязыванию своей культуры, ни к отказу от неё. Если человек принимает чужую традицию и забывает свою собственную, в его голове просто действует первый порядок развития чужой культуры, которая колонизирует его личность как новую среду обитания. Напротив, культура познания второго порядка сохраняет равновесие между процессами воспроизведения старого кода и собирания нового культурного кода. Такая культура принимает в свой состав только подходящую ей часть чужой культуры, и именно это можно назвать процессом понимания иной культуры.

Традиция иногда требует ритуальных слов и действий, что происходит в ходе специальных церемоний. Но в остальных аспектах своего существования человек довольно часто вынужден менять своё поведение, потому что среда его проживания нестабильна и требует комбинирования идей в новый порядок существования. Если какое-то древнее племя следовало цельному культурному коду первого порядка, оно было неспособно менять даже технологию добывания пищи, которая была частью традиции. Такая группа имела узкую экологическую нишу и вымирала при изменении условий.

Но мы знаем, что наши предки выделились из природной среды именно своей повышенной приспособляемостью. И в этом им помогал второй порядок развития культуры, использующий разные варианты, хранящиеся в переменном культурном коде (в области культурного дискурса). Само существование развитой речи у человека доказывает необходимость для него что-то обсуждать с другими и собирать знания и мнения из разных источников. Мы не можем найти в глубинах тысячелетий то время, когда человеческая речь содержала только приказы и позволяла формулировать только монологи для передачи цельных культурных кодов безо всяких вопросов, сомнений и возражений.

Сложная речь предполагает внимание к собеседнику, допускает диалог и обмен элементами культуры. Напротив, для того, чтобы просто подчинить себе сородичей (внедрить в их головы своё мнение), достаточно самых простых средств воспроизведения культурного кода – воплей, укусов и ударов, которыми владеют многие животные. Так, сужение нашей речи до приказов и криков происходит при нашем общении с домашними животными, в которых мы внедряем свои желания безо всякого внимания к их собственному мнению.

В рамках первого порядка проходят многие этапы развития религиозного познания мира. Сложившаяся религия обычно не допускает диалога и сомнений. Она предполагает одностороннее внедрение культурного кода в человека, то есть – установку догм в его сознание. Для этого на каком-то раннем этапе развития веры создаётся её культурный код в виде священного писания, содержащего всё разрешённое знание. И в дальнейшем уже не допускается никаких изменений этого канонического текста.

На самом деле любая религиозная догма состоит из результатов творчества многих авторов, а история её формирования далека от чистого воспроизведения. Религия сама не является продуктом первого порядка развития культурного кода. Это уже результат утраты второго порядка на каком-то историческом этапе, когда после длительного развития дискурса происходит его сужение до канонического варианта. Разрешённый культурный код целиком становится постоянным, что нередко подкрепляется насилием и угрозами. Сложившаяся догма настаивает на своём происхождении из одного чудесного источника, что не является правдой. Но это утверждение приводит к её почти чистому воспроизведению, потому что запрет менять догму сам по себе исключает принятие посторонних идей.

В античном городе выгода культурного кода как знака принадлежности к сильной группе была важнее, чем соответствие этого кода любой истине. Жрецы религиозного культа питались взносами поклоняющихся, и поэтому поддерживали обожествление власти. За это власть репрессировала всех, кто был не согласен со жрецами, реализуя с ними взаимовыгодный симбиоз, даже если никакого сговора с ними не было. Симбиоз вообще не требует договора, для него достаточно выгоды самой по себе, как это бывает в симбиозе животных.

Но история полна парадоксов. При всей догматичности мышления древних цивилизаций, именно для точного копирования своих догм они создали очень важные культурные коды, необходимые для прогресса – систему массового образования и систему библиотечных архивов. Тем самым они расширили объём и удлиннили сроки хранения почти бесполезного культурного кода, который лишь изредка вовлекался в оборот. А мы знаем, что для второго порядка развития генетического кода необходимо сохранять ненужные мутации. Длительное хранение в обход немедленного отбора обеспечивает неокончательный отбор и умножение попыток его применения в новых сочетаниях и в новых условиях.

Древние цивилизации начали массовое применение письменности в целях экономического учёта и для религиозной унификации сознания, но попутно они создали запасники культурного кода, которые хранились в библиотеках. Лишь малая часть этого фонда постоянно заучивалась учениками в обязательном порядке. Но изредка кто-то из них оказывался настолько талантлив, что соединял вместе старые и новые идеи, самовольно раскапывая библиотечные сокровища.

И этого незаметного процесса оказалось достаточно, чтобы городские цивилизации постепенно обгоняли технологии кочевых культур, которые почти всё ненужное сразу же забывали. Динамичная жизнь кочевников проводила жесткий

отбор лучших культурных кодов, но это почти всегда был окончательный отбор. Жизнь выбирала для славы смелых воинов, харизматичных духовных лидеров и умных полководцев, но все остальные слишком часто погибали в бою. Накопить большие запасы ненужной культуры в походных условиях было невозможно из-за большого веса носителей информации и большой стоимости хранения.

К счастью, кочевые мыслители привозили свои идеи в города и вносили их в письменный культурный фонд цивилизации. Из трёх авраамических духовных систем две были непосредственно созданы кочевыми племенами (иудаизм и Ислам), а третья (христианство) сформировалась под влиянием других кочевников, которые принесли многие религиозные идеи, включая митраизм.

Одним из важнейших религиозных институтов античных городских государств была школа – мощный инструмент копирования стандартного культурного кода в головы новых поколений. Школа по определению догматична. Античные и средневековые школы были религиозными учреждениями, и все знания там были религиозными, встроенными в целостный неизменный культурный код. Поэтому даже отход от традиции при описании движения планет приводил к нарушению целостного мировоззрения и жестоко преследовался.

Вплоть до Нового времени во всех цивилизациях мира существовала только религиозная культура, включающая религиозное искусство, религиозную науку и религиозное образование. Их способ развития был похож на первый порядок жизни, основанный на копировании. Так что всего несколько веков назад система знаний цивилизованного человека об окружающем мире развивалась примерно так же, как развивается генетический код археи.

Тысячелетиями знания о мире были не общим достоянием человечества, а тайным конкурентным преимуществом. Разные научные школы развивались почти независимо друг от друга. Это касалось и технологий, и философий. Первый порядок развития культурного кода реализовывался в чистом виде, и каждая ветвь развития могла опираться только на одну традиционную линию культурного кода.

Но даже общедоступные знания в религиозной среде развивались в рамках первого порядка, потому что непрерывно подвергались окончательному отбору. Учёный монах писал трактат, основываясь на общепринятой догме и воспроизводя её без изменений по существу. Он осторожно добавлял в текст свою новую идею-мутацию. В случае одобрения со стороны религиозных иерархов этот текст потом читали, цитировали и переписывали другие учёные и студенты, осуществляя чистое воспроизведение догматического культурного кода в своих и чужих головах. На каждый шаг развития догмы тратилась жизнь ряда поколений мыслителей, избегавших ставить личную подпись под своими творениями. Изменения в догме накапливались последовательно, путём окончательного отбора каждого шага. Иначе говоря – в рамках первого порядка развития.

В Средние века научная дискуссия была религиозным диспутом, подобным военному противоборству, по итогам которого победитель признавался правым, а проигравший – врагом истины. Попасть под определение заблудшего еретика было

смерти подобно. А полная победа одной стороны и полное поражение другой обычно происходят в результате борьбы между кодами первого порядка, способными только к мутациям и чистому воспроизведению. С тех пор в науке остался почти военный термин “защита диссертации”.

Впрочем, не менее догматической оказалась и борьба против религии в эпоху Просвещения, когда самоуверенные просветители творили и внедряли в головы народов Европы новую атеистическую догму. Борьба сил Просвещения против церкви не очень отличалась от борьбы протестантских догм против католической догмы. Просвещение при этом ссылалось на науку, но науки как общественного института в современном понимании тогда не было, как не было и уважения к иному мнению. Письма, которые пересылали друг другу отдельные европейские учёные, не влияли на политику, и борьба с религией стала новой религией. Штыки и пушки были главным доводом просветителей, среди которых были и монархи, и революционеры. Просветители сокрушали традиционные системы ценностей, имевшие вполне серьёзные основания. Результатом были гражданские войны, вызванные ошибками в новом культурном коде.

Сейчас понятие просвещения относится только к образованию школьников, которые должны быть обращены в общую веру без уважения к их собственному мнению. В наше время многие понимают, что если кто-то собрался просвещать взрослых людей, он сам нуждается в лечении от культурного догматизма и высокомерия. Но человечество не придумало способа эффективной передачи базовых знаний между поколениями без внедрения догмы в голову школьника. Ребёнка сначала надо просветить, и только потом его мнение будет заслуживать уважения, а для него станет возможной самостоятельная наука.

С развитием университетов и научных сообществ в Европе постепенно восстановился второй порядок познания, тысячелетиями подавленный в религиозных цивилизациях. Современные цивилизации практически вернулись к непрерывному изменению мировоззрения по мере собирания опыта, полученного из разных источников. Второй порядок познания в наше время – это современная наука, которая движется вперёд через сопоставление разных мнений и через объединение результатов, полученных разными группами и личностями. Для неё нет окончательных истин, а любые опубликованные идеи долго хранятся и могут комбинироваться.

Вероятно, европейская наука обогнала исламскую средневековую культуру познания только потому, что европейские университеты возникли по образцу исламской Испании сразу во многих городах и странах Европы, политически не зависящих друг от друга. Установить единую научную истину было некому, и возникло свободное пространство культурного дискурса – возможность расхождения мнений по многим вопросам. При этом европейские университеты были территориально близки друг к другу и доступны даже для пеших путешественников. Между университетами возникли потоки культурного обмена благодаря бродяжничеству студентов, ищущих истины, и благодаря скитаниям

профессоров, которые ссорились с начальством или бежали от политических преследований. Ситуация чем-то напоминала Древнюю Грецию, где произошло ускорение развития второго порядка культуры из-за бесконтрольного обмена знаниями между независимыми полисами.

Если бы средневековая Европа была так же политически едина, как средневековый Халифат, она осталась бы скромной ученицей исламской философии, которая в эпоху своего расцвета соединила научные результаты греческой, иранской и тюркской культур. И если бы католический Рим предотвратил распад религиозного пространства Европы на протестантские церкви, он тоже остановил бы второй порядок развития европейской культуры познания. Так что современное доминирование европейской науки вызвано случайным стечением исторических обстоятельств, которые вовсе не казались благоприятными для жителей Европы, страдающих от кровавых междоусобиц.

Очень своеобразный культурный код второго порядка создали британцы, которые изобрели многоколледжные университеты Кембриджа и Оксфорда. В них, помимо предметной структуры факультетов, существует ещё и вторая, духовная структура университетских колледжей. В каждом из таких колледжей живут студенты разных специальностей, объединённые общими духовными мотивами, а частично и общим происхождением. По названиям этих колледжей можно предположить, что среди них есть религиозные, политические и кланово-экономические структуры. Впрочем, ни один английский колледж в этом не признается, и большинство студентов этого могут даже не знать.

И вся эта структура колледжей, вместо клановой борьбы первого порядка за сиюминутное господство, занимается собиранием общего культурного кода Великобритании по правилам университета. Внутриуниверситетские колледжи создают внутренне пространство культурного дискурса, возможность того необходимого многообразия мнений, из которого собирается объединённая культура. При этом лидирующих университетов в небольшой Англии и должно было появиться как минимум два, чтобы в стране не сформировался один доминирующий центр знания, и выпускники хотя бы из двух независимых центров обменивались культурными кодами в парламенте и в других полезных структурах.

В США многоколледжные университеты такого особого типа входят в так называемую “Лигу плюща”, и они поставляют всю правящую элиту страны. Но в этом, скорее всего, нет прямого сговора. Просто многоколледжный университет сам по себе является университетом второго порядка, обеспечивая внутренний культурный обмен между духовно независимыми источниками. И этот порядок кардинально ускоряет процесс разработки культурного кода.

Обычные университеты с единственным источником духовной мотивации, каких в мире большинство, для спасения культурных процессов второго порядка могут полагаться лишь на академическую мобильность студентов и профессоров, приезжающих из других университетов. Эта традиция широко развита в континентальной Западной Европе. Если нет заметного притока культурных кодов

извне в одноколледжный университет, это учреждение станет догматическим училищем, в котором уже не будет места самостоятельной мысли, а местничество и клановость задушат его научную и образовательную систему.

В распоряжении у современной науки находится вся мировая библиотека источников, хранящая опыт человечества. Кроме того, у науки есть способы развития теории и методы экспериментального исследования. И ещё у неё есть методы критики, отбора и согласования элементов разного опыта для их объединения в общее знание. Наконец, у неё принципиально нет способа установления абсолютной и окончательной истины, что позволяет сохранять в архивах даже непопулярные идеи до их востребования.

Духовная культура науки опирается на принципы научной этики, которые очень давно действовали в головах учёных, но были впервые серьёзно изучены американским социологом Робертом Мертоном в 1942 г. в работе “Нормативная структура науки” [2]. Эти принципы включают коллективизм, универсализм, бескорыстие и организованный скептицизм, обозначенные в системе норм Мертона под аббревиатурой CUDOS (communism, universalism, desinterestedness, organized scepticism). Детальное обсуждение этих принципов выходит за рамки темы нашей работы, но его легко найти в литературе.

Здесь стоит только упомянуть, что универсализм Мертона означает уважение к любым источникам знаний независимо от их происхождения, что и обеспечивает второй порядок развития культуры научного познания. Мы знаем, что простой симбиоз кодов первого порядка способен вытеснить второй порядок. Поэтому важным элементом научной этики по Мертону названо бескорыстие, то есть подавление симбиоза культурных кодов, дающего преимущество выгодным решениям в ущерб истине. Даже в лучших научных учреждениях выгода бывает сильнее истины. Если истине удаётся хотя бы на равных сосуществовать с вездесущим симбиозом, это означает высокий научный уровень учреждения.

Чистый второй порядок познания в принципе недостижим, и вряд ли стоит к этому стремиться. Как и в живой природе, второй порядок познания не исключает первый, и даже требует его присутствия, включая какую-то долю бездуховного симбиоза. Если перестараться с подавлением бездуховных мотивов, можно оказаться в ситуации того чистюли, который очищает свою кожу от безвредных микробов и создаёт свободную среду обитания для самых болезнетворных бактерий. Быстрее всего дух науки погибает в научных учреждениях, в которых начинают неистово бороться за научную чистоту. По всем законам дарвиновского отбора, в жестокой бюрократической войне побеждает интриган и бюрократ, а не честный учёный и учитель.

В современной науке при каждом научном исследовании история познания повторяется в миниатюре. Сначала каждый исследователь развивает свою мысль и приходит к своим результатам, не обращая внимания на других – и это пока ещё первый порядок познания. Затем исследователи начинают процесс согласования своих результатов, сравнивая их, критикуя и устраняя ошибки друг у друга. Какое-

то время они критикуют чужие ошибки и не признают свои в соответствии с первым порядком развития культурного кода. Любой человек хотя бы на секунду испытывает гнев, когда его кто-то поправляет. Однако, в отличие от дурака, честный учёный признает свою ошибку и исправит её – а это уже этап второго, собирательного порядка исследования, лишь после которого готовят публикацию.

Если процесс честного и критического собирания результатов вытесняется симбиозом взаимовыгодного признания, наука умирает, уступая место деловой лженауке, которая имитирует прогресс для оправдания бюджетных расходов. Паразитизм – это тоже разновидность успешного симбиоза.

И даже собранный из ряда источников и хорошо проверенный результат для науки не окончателен. Он постоянно подвергается новым циклам генерации идей и их соединения в коллективный результат. Каждый новый вывод не только опирается на всю имеющуюся систему знаний в соответствующей области, но и сочетает идеи, сотворённые множеством людей в процессе исследования.

Никто не может навязать науке ограничения в выборе источников знания. Она использует их все в меру их полезности, независимо от их происхождения. Наука рассматривает без предубеждения любую новую идею, но никогда не обещает принять её без проверки. Наука делает ошибки, исправляет их и движется вперёд, потому что отказалась от принципа однородной чистоты, от системы априорных догм, которые нельзя менять и в которых нельзя сомневаться.

Впрочем, у современной науки есть своя система правил, полученная тем же самым путём, которым были получены все её истины – из исторического опыта. Но это вовсе не правила о том, каким должен быть результат исследования. Эти правила указывают, каким путём должна быть получена, проверена и доказана истина. Иначе говоря, это порядок взаимодействия учёных и их идей между собой, или правила научного взаимопонимания. Они обеспечивают второй порядок процесса познания, который не описан в учебниках, но известен учёным, даже незнакомым с социологией Мертона.

Этот культурный стандарт говорит нам и о том, как распознать лженауку, несмотря на всю её хитрость и упрямство. Наличие второго порядка в науке не означает, что не бывает дураков и хитрецов с учёной степенью. Это значит лишь, что дураки и хитрецы не направляют мировую науку в целом. Тем не менее, они могут паразитировать на её ресурсах, замедляя прогресс в отдельных странах и делая эти страны отсталыми.

Стоит отметить, что само понятие правды испытало значительное изменение в научной культуре. Поскольку правда по определению неизменна, она не может заключаться в научной картине мира, которая постоянно меняется. Мы считаем правдой не результат исследования, а только способ или порядок, посредством которого мы приближаемся к пониманию реальности. Научный второй порядок развития познания, или научная порядочность – это и есть тот путь правды, которая является нравственной нормой учёного.

До того, как порядочный учёный выполнит своё исследование, он настолько

же сомневается в своих предположениях, насколько он сомневается во мнении любого другого квалифицированного человека. Сомнения продолжаются, пока он не подтвердит своё или чужое мнение новым знанием. Научное исследование – это и есть собирание культурного кода из элементов разного происхождения, подобное собиранию генетического кода в живой природе.

При этом новые научные идеи и элементы нового опыта рождаются постоянно, что аналогично большому потоку мутаций в генетическом процессе. Такой большой поток изменений был бы губителен для генетического кода живых существ, не имеющего средств фильтрации ошибок. Но в науке такой механизм фильтрации есть, и он называется научной критикой. Честная критика элементов культурного кода действует эффективнее случайного отбора генетического кода - если только это содержательная критика, а не просто чьё-то самоутверждение.

Политическая культура

Политикой называют культуру отношений между большими массами незнакомых друг с другом людей. Она позволяет создать большое общество или устроить большую войну. Скорее всего, слово “политика” происходит от греческого и латинского *poly* - “много”, и лишь позже в Древней Греции были построены города-полисы, а в Римской империи была развита *politia*, то есть “государственное устройство”.

Взаимоотношения в малой группе знакомых людей подчиняются уже не политике, а более традиционным культурным кодам – семейным, племенным, товарищеским или духовным. Но малый размер группы создаёт лишь саму возможность взаимного узнавания. Если группа собралась не совсем добровольно, а её члены не желают знать друг друга, их отношения также будут подчиняться политической культуре.

Самым простым кодом политической культуры является иерархическая культура стаи или стада животных, которая представляет собой результат воспроизведения в головах всех членов стаи единого мнения о праве конкретного командира руководить всеми. Этот механизм управления является врождённым свойством приматов, и выключить его невозможно ни при каких обстоятельствах. При отсутствии других культурных кодов любой группой людей управляет этот простой дочеловеческий порядок. Почти в каждом школьном классе, в каждой армейской казарме и в каждой тюремной камере складывается человеческая стая со своей иерархией.

Культурный код стаи или стада можно назвать политикой первого порядка, которую обычно критикуют развитые человеческие общины. До уровня политики первого порядка деградирует любое общество, когда разрушается его сложная структура. Так что простейшую модель человеческой политики мы находим в животном мире. Задолго до появления нашего разумного вида в природе уже был

механизм формирования политического кода первого порядка. Животные ничего не обсуждают, поэтому их способ распространения культурного кода заключается в воспроизведении стадной иерархии путём давления, угроз и поощрений. Это и есть прямое копирование культурного кода в головы членов стада независимо от его содержания и от их предпочтений.

Устойчивые иерархии в группах стадных животных говорят о том, что у них есть политический код, совпадающий у всех членов группы. Таким стандартом является общее мнение членов стада о том, кто тут главный, а кто подчинённый. Начальный механизм, который нарушает равенство и запускает формирование иерархии животных, может быть отчасти основан на родстве и старшинстве, но это нарушение исходной симметрии не всегда определяет результат. Основной конкурентный механизм стадных животных основан на их силе и злости, а также на способности направлять всю группу против отдельных членов стаи. При этом постоянно идёт дарвиновский отбор самого устойчивого варианта иерархической системы, который в итоге и захватывает все головы стада.

Человек давно использует механизмы формирования политического кода животных для их одомашнивания. Кнутом, верёвкой, оградой и кормом он утвердил над ними своё господство, которое домашние животные признают в рамках своей стадной иерархии. Не исключено даже, что первые политические коды цивилизаций и были взяты человеком из его опыта животноводства, когда очень много людей оказалось заперто в городе или собралось у единственного источника пищи в долине реки, окружённой пустынями. Сходство со стадом домашних животных стало явным, и тогда хитрые пастухи догадались занять места пастырей стада человеческого.

В пользу очень древнего возникновения стадного политического кода у человека говорит тот факт, что в сообществах детей и подростков обычно устанавливается иерархия по образцу животных стай, основанная на агрессивной активности индивидуумов. Это самый древний политический культурный код, который стихийно формируется в ходе конфликтов. Точно таким же путём он формируется в преступных сообществах и в диктаторских государствах.

Но взрослые люди, способные к мышлению и сложной речи, умеют строить политический код второго порядка, который формируется посредством взаимного понимания, то есть – путём собирания элементов из личных культурных кодов множества людей. Такое понимание основано на общей духовной культуре, дающей мотивы для умственной работы по настройке каждым членом общества своего культурного кода. Малые общины людей, живущие в гармонии с природой, почти всегда имеют второй порядок внутренней политической культуры и успешно применяют речь для собирания общественного мнения из элементов разных точек зрения. К сожалению, этот второй порядок становится нестабильным в больших группах незнакомцев, из которых состоят цивилизации.

Второй порядок политики основан на обсуждении и подготовке решений через собирание общего мнения. Для этого участники группы должны иметь

общий язык или возможность перевода, а также общую духовную мотивацию. Кроме того, они должны быть примерно достаточно информированы по обсуждаемым вопросам, чтобы понимать друг друга. Наконец, они не должны бояться высказывать своё мнение, а для этого простейшие политические коды первого порядка должны быть ограничены в своих проявлениях.

Однако, поскольку полное отключение первого порядка невозможно, речь может идти только о контроле второго порядка над первым порядком. Уже в первобытных племенах были и умудрённые жизнью шаманы, и советы племён, но были и выбранные этими советами самоуверенные вожди. Потому что только уверенный лидер без колебаний использует простую мотивацию людей вроде кнута и пряника, чтобы быстро организовать координацию их деятельности.

При этом общий второй порядок политической культуры обеспечивается тонким равновесием между механизмами политического влияния разного порядка, а не уничтожением одного из них. Разделение власти между советом племени, старейшиной рода, военным вождём и шаманом известно людям с каменного века. Второй порядок строится из нескольких подсистем первого порядка, а не на месте одного разрушенного первого порядка.

Политика второго порядка возникла с появлением человеческой речи и духовной культуры. Традиционные племена имеют внутреннюю политику второго порядка, за исключением случаев специфической духовности, которая почему-то подавляет процессы собирания политических культурных кодов. Тем не менее, даже внутренний второй порядок в каждом племени не мешает этим племенам порою сталкиваться между собой в политической борьбе первого порядка с оружием в руках. Это продолжается до тех пор, пока кто-то не создаёт новый уровень духовной культуры, который становится общим для многих племён и позволяет собирать их общий культурный код.

Одним из важнейших общих культурных кодов человечества является гостеприимство без приглашения, или традиция приёма незваных гостей. Такую традицию можно назвать открытым гостеприимством, в отличие от условного гостеприимства, действующего только для своих или строго по приглашению. Открытое гостеприимство распространено у народов традиционной культуры, но оно исчезает в городских цивилизациях – слишком уж много там незнакомых.

Открытое гостеприимство предполагает уважение к чужому человеку и внимание к его знаниям. Оно означает не только готовность разделить с ним кров и пищу, но и желание вести с ним равноправный диалог, в котором гостеприимная культура обменивается своими элементами с иной культурой. Культурный код открытого гостеприимства можно считать признаком традиционной политической культуры второго порядка.

Нельзя сказать, что такое открытое гостеприимство было универсальным свойством всех духовных племён. Мы знаем и об очень враждебных к пришельцам первобытных племенах, которые прячутся в тропических джунглях. Но общий культурный код человечества хранит традицию гостеприимства. Общеизвестно

открытое гостеприимство степных кочевников и тех народов, которые сохранили свои обычаи со времён своего кочевья. Очевидно, жизнь требовала от них уважения к незнакомым гостям. Степное пространство не даёт спрятаться от врагов, и поэтому готовность умножать их было бы ошибкой для кочевой культуры.

Негостеприимные культуры, враждебные к чужакам, обычно формировались в условиях изоляции на островах, в болотах и джунглях, на крутых побережьях с ограниченным обзором, где можно уйти от ответственности за набеги на соседей. Если племя прячется или отпугивает чужаков, оно имеет негостеприимный культурный код и политику первого порядка. Как правило, это довольно отсталое племя, когда-то утратившее второй порядок политической культуры.

Задолго до появления городских цивилизаций у большинства древних культур были собрания племён, советы старейшин и суды, от которых происходят современные юридические системы и парламенты. На этих древних советах осуществлялся второй порядок развития политического культурного кода через соби́рание разных мнений – отдельных участков личных культурных кодов. В данном случае нас не очень интересуют властные полномочия этих советов. Важнее способность культуры второго порядка вместо выбора между цельными кодами, представленными разными лидерами, рассматривать комбинированные варианты и находить среди них наилучший. Только такой культурный процесс аналогичен второму, собирательному порядку развития генетического кода.

Но такой процесс возможен лишь при наличии доброй воли и достаточной образованности членов совета в рассматриваемом вопросе. В случае собрания формальных представителей, неспособных рассмотреть вопрос по существу, всё равно происходит выбор узкой группы или одной личности, которым собрание и доверяет всё управление. А это означает возврат к первому порядку копирования культурного кода через подчинение, даже если выборы начальника и происходят путём честного голосования.

С появлением первых цивилизаций из-за разрушения духовной культуры племён в условиях города происходит распад традиционного второго порядка политической культуры и возврат к безоговорочной диктатуре вожаков, которая характерна для стадных животных. Поэтому во всех цивилизациях в результате распада естественных человеческих отношений племенная демократия сменялась деспотией, рабством и кастовыми системами, то есть политическими структурами первого порядка. Это отражалось и на духовной культуре, которая деградировала до уровня первого порядка.

Например, тенгрианская вера в любовь Неба и Земли, с которой шумеры начинали строить цивилизацию, через несколько тысяч лет сменилась безумными городскими мифами Вавилона и Ирана, в которых Мать-Земля была объявлена вместилищем вселенского зла, а человек был унижен до рабского состояния. На христианском этапе развития ближневосточной духовности женщина была смешана с оклеветанной землёй, а любовь стала грехом. Вечная война между Небом и Землёй поселилась в головах цивилизованных горожан к западу от Алтая,

и до сих пор она действует на западное сознание.

Отдельные примеры противоречивой кастовой демократии в Древней Греции, где мелкие государства упустили контроль над образованием, а каждый город верил в своего бога, говорят скорее об исключительности свободы в античном городе, чем о закономерности её развития в рамках рабовладельческой цивилизации.

Преобладание политики первого порядка в древних цивилизациях было связано со специализацией культурных кодов. Античный город из-за возросшей плотности населения не только сократил возможность равноправного обсуждения, но и повысил эффективность симбиоза между личными культурными кодами. Возникло разделение труда, исчезла общность духовной традиции. Специальный человек ценился не как представитель человечества, а как узкий исполнитель своей функции в симбиотической системе. Даже интеллектуальные функции порою возлагались на рабов, и в рамках античной городской машины они выполняли свою роль разумных винтиков.

Культурные коды симбиоза вытеснили слишком сложный для города второй порядок политической культуры. Развитый рынок и сильная власть позволяют купить или отнять нужные вещи у духовно чуждых людей, которые находятся в подчинении. Духовно слабого человека можно заставить сделать всю работу, не расходуя времени на взаимное понимание и культурный обмен. И все эти возможности были реализованы в древнем городе ценой почти полного разрушения традиционной духовности племён, создавших цивилизацию.

Традиционная духовная культура второго порядка разрушается в городе, потому что в нём для выживания просто не нужно иметь духовно близких людей. Достаточно обмена с чужими или принуждения их к повиновению. Торговый симбиоз культурных кодов делает ненужным для совместного выживания их сложное комбинирование, что позволяет в условиях высокой плотности населения доминировать простейшему первому порядку чистого воспроизведения культурного кода.

Впрочем, параллельно с городскими цивилизациями всегда развивались военная и кочевая демократии – независимые политические системы, основанные на духовности второго порядка. Описания кочевых народов как бессмысленных масс под властью жестоких тиранов не имеют оснований – это всего лишь городской политический миф. Тирания невозможна, если от неё легко могут уйти большие части общества или даже всё общество целиком, голосуя копытами своих коней. Есть все основания полагать, что как раз у кочевников и близких к ним по духу станичных казаков дольше всего сохранялись древние политические системы второго порядка внутри их родовых общин. Впрочем, их рассмотрение выходит за рамки темы данной работы.

В религиозных городских цивилизациях древности и средневековья мы обнаруживаем возврат к политическому коду первого порядка в виде античной или средневековой тирании. Этот политический код значительно проще традиционной

общинно-племенной политики. Стабильность цивилизации первого порядка держалась на господстве единого политического кода, скопированного в головы всех граждан, как это происходит и у стада животных. И этот код включал в себя персональный состав иерархической системы власти. Идейное обоснование всей политической системы обеспечивала государственная религия, которая обожествляла систему власти, представляя её как вечный закон природы.

Время от времени происходила мутация политического кода в голове одного человека, который начинал претендовать на власть в нарушение существующей иерархии. Если эта мутация попадала в среду накопившихся социальных проблем, она быстро размножалась во многих головах, и тогда происходил переворот. После массовых убийств выяснялось, прошла ли новая мутация естественный отбор, а власть переходила к новой династии или возвращалась к прежней. Затем массовая зачистка мозгов и уничтожение прежних записей восстанавливали единственность политического кода.

Успех политического кода первого порядка зависит от скорости перемен в обществе. Если ничего не меняется, как в Древнем Египте, то первый порядок политики близок к оптимальному. Но если перемены в жизни происходят быстро, неподвижная структура власти не успевает приспособиться и делает много ошибок. Это вызывает недовольство масс, и очередная мутация политического кода получает условия для размножения в умах. Простая мутация, затрагивающая только персональное распределение власти, является основным путём развития политического кода первого порядка.

В отличие от стадных кодов животных, политические коды первого порядка у человека иногда испытывают и более серьёзные потрясения, связанные с изменениями мировоззрения. Обычно религия развивается без человеческих жертв. Но случаются и расколы, которые выглядят как разделение народа на враждебные части без видимых причин, а иногда даже и без лидеров, претендующих на власть. Раскол означает деление политического кода на две разные ветви в результате культурной мутации на уровне мировоззрения.

Политический код является стандартом, живущим в большом числе умов. При расколе он изменяется прямо в мозгах у людей, меняя их взаимоотношения. Размножается не весь политический код, а только новая мутация, встраивающаяся во многие копии имеющегося политического стандарта, подобно вирусу. Раскол в среде подходящего политического стандарта, не имеющего иммунитета к новому вирусу, может распространяться со скоростью эпидемии – как религиозный экстремизм в Исламе или расизм в европейской культуре. В отличие от процесса смены власти, раскол народа почти неуправляем, потому что мировоззренческая мутация лишает легитимности прежнюю власть, не создавая никакой другой. Возможна и намеренная разработка культурного вируса раскола для определённой культурной среды.

Классическая политика первого порядка не только формирует в результате расколов разные стереотипы и мифы об “иных” людях. Она создаёт ещё и мифы о

“своих”. Некоторые древние культуры сочинили миф о различном происхождении “своих” и “чужих” для оправдания своих кастовых систем первого порядка. В прошлом веке Западная Европа заразилась мифом о различном происхождении не только человеческих рас, но и внешне почти неразличимых наций, что помогало оправдывать массовые убийства Второй мировой войны.

При этом древние племенные культуры второго порядка создали общий миф о едином происхождении всех людей, сохранённый тенгрианской верой и заимствованный мировыми религиями. Поскольку наше единое происхождение научно доказано генетикой, вполне можно утверждать, что именно древнейший первобытный миф о едином происхождении человечества оказался научной истиной, а античные городские мифы о разном происхождении каст, наций и рас оказались ложью.

Для того, чтобы политический код выполнял свою работу, основная его часть должна совпадать у большой группы, составляя её политический стандарт. В племенной духовной культуре второго порядка для этого строится система вселенского мировоззрения, объединяющая разные племена в общую сложную духовно-политическую систему. Но в городских цивилизациях высшие уровни духовности ослаблены конкуренцией со стороны симбиоза, и поэтому их сменяет примитивная духовность, восприятие которой не требует умственных усилий. И проще всего принимаются мифы о достойном происхождении “своих” и злобные сказки о незнакомцах, потому что человеку от обезьяньих предков достались тщеславие и трусость.

Это ещё не исключает возможности развития политического кода второго порядка внутри цивилизации. Но сложный код требует образования и духовно-нравственного развития всего народа. Традиционно гостеприимные народы обычно сохраняют древний политический код второго порядка, свободный от глупых стереотипов об “иных людях”. Но цивилизация разрушает гостеприимство и второй порядок духовной культуры. В итоге разрушается политическая традиция второго порядка, на смену которой приходит демонизация чужаков – ксенофобия. Эта высокомерная трусость городской цивилизации сближает её с теми самыми заблудившимися в каменном веке племенами, которые пугают друг друга сушёными головами убитых соседей.

Первый порядок политической культуры в цивилизациях опирается на два врождённых мотива, присущих человеку – на его голод и на его страх. Иначе говоря – на жадность и трусость. Политические системы первого порядка иногда объявляют главным один из этих инструментов управления. Одни выбирают жадность и торговый симбиоз, который развивается до чистого капитализма. Другие выбирают трусость и полицейский симбиоз, который в пределе достигает казарменного социализма или лагерного нацизма. Некоторые думают, что жадность лучше страха в качестве основы общественного устройства, но одно вовсе не исключает другого. Чистый капитализм создал новое рабство XIX века, а чистый социализм заставил людей жадно искать дефицитные продукты. Овцами

чаще правит кнут, а свиньями – корыто, но свинья не свободней овцы. Разницы в уровне развития между этими вариантами нет. Идеино чистые социализм и капитализм – это два тупиковых культурных кода первого порядка.

Многие ещё используют систему политических координат Французской революции. Сторонники равенства людей считаются “левыми”, а сторонники иерархического порядка и необходимого неравенства – “правыми”. Но при этом левые и правые политики легко меняют свою ориентацию в зависимости от фазы их политической карьеры. Как только русские левые получили государственную власть, они стали правыми и выстроили иерархию партийной номенклатуры. Когда Гитлер только начинал строить правый иерархический режим, он занимался левой пропагандой, защищая угнетённых немцев от удачливых еврейских капиталистов и иностранных победителей в Первой мировой войне. Так что привычная картина борьбы левых и правых оказывается просто мифом.

Теория второго порядка даёт иной взгляд на общественные процессы. В любом обществе существует первый порядок стадной иерархии, ликвидация которого невозможна без замены всех людей на ангелов. Поэтому “правая” точка зрения всегда верна как отражение фактического положения дел и как способ избежать хаоса. Никто не защитит первый порядок так, как это инстинктивно делает единоличный лидер, подобный вожаку стада животных.

Однако, столь же природным свойством человека является второй порядок развития культуры, для которого уже в глубокой древности были созданы сложные механизмы собирания идей, требующие равного уважения к каждому человеку независимо от его положения в стадной иерархии. И поэтому “левая” точка зрения всегда верна как путь развития культурного кода. Левые занимаются изменением политического порядка, а правые – его сохранением. Оба этих занятия необходимы для развития культурного кода в любом его сегменте. Например, “левые” учёные совершают великие открытия и сочиняют всякую ересь, а “правые” учёные критикуют ересь и не дают хода великим открытиям. На самом деле никто не делит учёных на правых и левых, и никто из них не занимается только критикой чужих результатов или только своими революционными идеями. Нелепо думать, что наука может обойтись без “левой” новизны или без “правого” скептицизма.

Культурный политический код высшего порядка не отменяет простых уровней организации общества. Но он может управлять процессами их изменения. Хотите стабильности – назначьте вождя. Хотите равенства – постройте систему собирания культурного кода, которая присмотрит и за мозгами вождя, и за порядком его замены. Но для этого надо придумать комбинацию элементов старых систем, а не просто ломать существующую систему. Вместо сломанного первого порядка всё равно выстроится другой первый порядок со своим революционным вожаком во главе. И только потом можно будет пытаться строить второй порядок, если получится. Даже все вместе взятые европейские революции так и не создали строя существенно более прогрессивного, чем странная британская система законсервированных пережитков. Революция резко меняет надоевшее старое на

неизвестное новое, но никакая теория не предскажет её конкретного результата. Это чистая рулетка, и разумные люди пойдут на неё лишь в отчаянной ситуации.

Естественный отбор политических кодов

Попробуем развить культурно-генетическую аналогию для случая политической культуры, для чего надо уточнить термины. Группу людей с близкими политическими кодами можно назвать политическим течением. Если такая группа создаёт организацию, она становится политическим движением. Подобно общей части генетического кода биологического вида, стандартный политический код почти совпадает у всех участников политического течения, которые общаются на политические темы в своей среде. Разнообразие мнений внутри течения составляет его политический дискурс и определяет темы его внутренних дискуссий.

Мы исходим из того, что существует политика первого и политика второго порядка. В любом политическом течении вырабатывается позитивное отношение к его участникам. Но для того, чтобы данный культурный код был иерархической политикой первого порядка, необходимо критическое отношение ко всем “иным”, которых в рамках такого кода размещаются в самом низу политической иерархии. Поэтому политическое течение первого порядка часто создаётся на основе негативного отношения к некоторой категории “иных” людей.

Поскольку такое отношение всегда основано на мифах, политика первого порядка в принципе антинаучна, хотя и бывает эффективна с точки зрения правящей группы. Она требует от каждого определить свою политическую позицию, то есть решить, какую категорию людей он считает хуже себя. А поскольку невозможно честно и определённым образом относиться к людям, не зная их лично, политика первого порядка всегда основана на лжи. Высокомерие – это глупость, а высокомерие по отношению к миллионам людей ещё глупее.

Политическое течение первого порядка формируется как система отношений к другим политическим течениям, которые изначально не обязательно существуют. Скажем, враждебная политика может быть сформирована в рамках какой-нибудь теории заговора в отношении мифического течения, участники которого якобы определяются по их внешности, вере, языку или месту жительства. Но как только выдуманную политическую категорию начинают преследовать, она возникает как реальное явление, чтобы защищать своих невольных участников. Следовательно, политическое течение первого порядка можно создать и путём провокации.

В большом современном обществе обычно есть много политических течений, и простейшими из них являются течения первого порядка, которые нередко заселяют вообще весь политический ландшафт. Такие течения пытаются распространить свою догму и ведут борьбу с другими течениями за место в сознании людей, лишь изредка вступая между собой в тактический симбиоз. Целью политики первого порядка является победа одного течения над всеми

остальными и заселение всех умов копиями победившего политического кода.

Политическое сообщество второго порядка возможно только в том случае, когда основные политические течения имеют общую часть культурного кода – особый политический стандарт второго порядка. Этот стандарт должен побуждать их к изучению других политических течений и должен позволять им изменять свой политический код на основе комбинаций элементов разных кодов. Политика второго порядка строит отношения между любыми категориями людей на основе их взаимного исследования, а не на основе массовых стереотипов. Это и есть научный способ развития, когда признана возможность своих ошибок и необходимость исправлять их, не исключая и возможных заимствований из чужих культурных кодов.

Элементы политической доктрины, которые определяют политическое течение, по отдельности всегда развиваются в рамках первого порядка, подобно отдельным генам генетического кода. Второй порядок развития возникает лишь в процессе собирания новых комбинаций из этих элементов. Этот второй порядок развития реализуется специальным кодом взаимодействия между течениями. Такой код взаимодействия должен быть важным политическим стандартом, подобным норме гостеприимства у кочевых племён. Если согласия о правилах взаимодействия нет, второй порядок невозможен.

История показывает, что не бывает полной гарантии устойчивости второго порядка общества, как нет гарантий выживания сложного организма в окружении микробов. Есть множество причин, по которым общество даже с длительной традицией второго порядка может вырождаться до первого порядка политической культуры, что проявляется в массовой коррупции и в территориальном распаде.

Условием быстрого развития общества является вовсе не конкретная форма его политической организации, которая легко профанируется. Можно соблюдать все демократические процедуры, но при этом направить всю мощь государства на контроль за мышлением людей, заставляя их думать в рамках стандартного культурного кода. В результате всё равно получится простое копирование догмы. В таких случаях люди добровольно строят систему власти, основанную на первом порядке развития. И важные решения у них принимаются не через обсуждение по существу вопроса, а через политическую победу одной группы над другой.

В частности, если общество самоуверенно объявляет себя безоговорочно демократическим, оно проявляет симптом деградации своего второго порядка. Ведь культурный код второго порядка содержит мало безоговорочного. Всегда разумно обсудить здоровье живой демократии, текущую степень её коррупции и деградации. Безоговорочна лишь диктатура, будь она персональной, наследственной, коллективной или вообще хитроумно скрытой. Единственным критерием наличия второго порядка в современном обществе является научность его основных дискуссий, то есть готовность общества обсуждать любой важный вопрос по существу дела, а не только в связи с симбиотическим интересом той или иной личности или группы. Кроме того, любые признаки обмана, запугивания или

подкупа дискредитируют второй порядок общества, а пафосные декларации вообще ничего не доказывают.

В этом смысле совершенно антинаучны те политические культурные коды, которые принципиально основаны на обмане. Они описаны, например, в труде Макиавелли “Государь” [3] и широко применяются в классической политике. При всей звериной хитрости этих кодов, они являются всего лишь культурными кодами первого порядка с развитыми механизмами симбиоза, то есть со сложными методами использования человека человеком. Макиавеллизм означает вырождение политической культуры до уровня чистого первого порядка. Он принципиально паразитирует на доверии, необходимом для второго порядка. Эта политическая культура является частью городской культуры преступности, которая развита в цивилизациях, и которую с омерзением воспринимают люди, не утратившие благородных традиций своих племён.

Противоположным вероломству принципом политической культуры является запрет обманывать людей, которые тебе доверились, независимо от наличия формального договора с ними. Этот запрет – важная основа политики второго порядка, которую называют порядочностью. Заметим, что порядочности первого порядка не бывает, поскольку первый порядок не нуждается в особом механизме для своей дарвиновской борьбы за существование.

Порядочность прививается во всех традиционных культурах. Иногда это достигается довольно жестокими средствами, что на разных примерах показано в “Сокровенном сказании монголов” [4]. Политическая порядочность настолько враждебна макиавеллизму, что приводит сторонников последнего в ужас. В своей предельной монгольской форме второй порядок политики требует казни за то самое искусство вероломства, которым гордятся последователи Макиавелли. Однажды, ещё за века до трудов Макиавелли, произошло истребление монголами ближневосточных асасинов – первых создателей системы политических убийств. Это было следствием коренного противоречия между их политическими культурами. Для монголов асасины были общеизвестными предателями рода человеческого, а для асасинов монголы были прямолинейными моралистами, не сведущими в цивилизованном искусстве политического обмана.

Впрочем, история показала, что чрезмерно жёсткая форма второго порядка в длительной перспективе неустойчива. Она подобна избытку иммунной реакции организма, который атакует заодно с бактериями и свои собственные здоровые ткани. Чрезмерная жестокость закона приводит к его неприменимости в реальной жизни, а следовательно – и к необязательности его исполнения. И тогда жестокая порядочность плавно переходит в жестокую коррупцию, потому что в обществе распространяются культурные коды обмана для обхода непригодного механизма второго порядка.

Распад второго порядка включает в себя как вырождение политического культурного кода, так и его заражение посторонними вирусными кодами первого порядка. Эти процессы привели в своё время к распаду и монгольской империи, и

Советского Союза. Оба этих государства изначально задумывались как глобальные политические проекты второго порядка, призванные железной рукой установить на Земле всеобщий мир и поголовное счастье. Поэтому понимание причин их неудачи совершенно необходимо для нашего будущего.

Вырождение политической культуры начинается так же, как вырождение генетического кода второго порядка – со своеобразного “инцеста” культурных кодов. Когда единый политический код в результате полной партийной победы копируется во все головы из одного источника, никакие демократические процедуры не приводят к его эволюции, потому что всеобъемлющий стандартный код не имеет разнообразия для выбора вариантов.

Когда критерием истинности политического кода в голове человека является совпадение этого кода с заведомо точной его копией в голове другого человека, нет никакой возможности найти ошибку в их едином коде. С точки зрения эволюции культуры, все выборы и собрания в таких условиях подобны инцесту близнецов, точно повторяющих себя в своём потомстве и развивающихся в рамках чистого первого порядка, подобно бактериям и археям. Политическая система СССР пришла к своему вырождению через такой духовно-политический инцест, когда коммунистическая партия страны превратилась из политического большинства в своего единственного политического партнёра и единственный критерий истины.

А когда вырождение второго порядка сильно тормозит реакцию общества на изменения условий жизни, неподвижный политический код отстаёт от реальности и становится причиной неурядиц. Вместо порядка он постоянно порождает хаос своими ошибочными решениями. И тогда разваливается буквально всё, включая народное хозяйство. В этих условиях выигрывают простейшие вирусные коды коррупционной культуры, помогающие обойти формальный второй порядок, уже выродившийся в очень плохой вариант первого порядка.

И тогда простой эгоизм и умение вертеться, когда другие ещё стесняются, поднимают не порядочных людей на самый верх гибнущего общества. Жёсткость системы только помогает их расчётливому карьеризму, обеспечивая предсказуемые условия стадной иерархии, понятные любой обезьяне. Они заражают ослабленный второй порядок вирусными кодами первого порядка. Поэтому после распада СССР самыми богатыми коммерсантами, самыми яркими националистами и самыми религиозными ортодоксами вдруг оказались недавние партийные и комсомольские номенклатурные деятели. Все они были просто беспринципными карьеристами, которые лучше всех понимали, когда и куда надо прыгать с тонущего корабля.

Возможность селекции политических кодов

Опираясь на культурно-генетическую аналогию, можно попытаться разработать новые механизмы развития политического кода. Скотоводы за тысячи лет до Дарвина занимались искусственным отбором генов животных, и только сейчас к их технологиям добавились методы генной инженерии. Так почему бы не

попробовать разводить и отбирать духовно-политические коды в специальной контролируемой среде до того, как допускать их массовое распространение?

Можно вообразить общественную структуру, поддерживающую условия для развития политических культурных кодов второго порядка. Государственный сектор не очень подходит для организации такого инкубатора, поскольку слишком уж много безусловной иерархии первого порядка в нём есть изначально. А коды первого порядка из-за своей простоты легко распространяются. Если дать им волю, они могут подавлять более сложных конкурентов. Так что новые эволюционные институты могут быть научными содружествами, общественными организациями или университетскими колледжами – но не партией и не государством с уже сложившейся духовно-политической системой.

Впрочем, государство могло бы вносить материальный вклад в развитие политики второго порядка без права вмешиваться в процессы экспериментальной эволюции. Ведь государства финансируют науку и университеты, где развивается второй порядок культуры познания. Экспериментальная эволюция культурных кодов не может быть проблемой для текущего состава властных элит. Для селекции политических кодов второго порядка вопросы о выгоде или власти второстепенны, если не вовсе бессмысленны. Неважно, кто находится у власти. Важно лишь то, каким путём принимаются решения об изменениях – в рамках только первого порядка или с подключением второго.

Опытный селекционный бульон политического кода должен быть закрыт от влияния государства и других жёстких иерархий вроде партий и церквей. Но его следует отделить и в обратном направлении, исключая влияние недоделанных культурных кодов на реальность. Это достигается приданием им статуса заведомо модельных и пробных культурных кодов, какой имеют произведения научной фантастики или события компьютерной игры.

Новая искусственная среда будет предназначена для генерации и отбора политических кодов на эмбриональном этапе их развития, поэтому не стоило бы даже называть их политическими кодами. Это будут пробные духовные коды, содержащие принципы теоретически возможных вариантов политики. В этой искусственной среде могут рождаться и погибать странные духовные химеры, единственная польза которых будет в том, что они появятся без человеческих жертв и погибнут без реальной войны. Можно называть экспериментальные культурные коды *протополитическими кодами*.

Все участники селекционной работы должны рассматривать её как своего рода игру в реконструкцию альтернативной истории – по крайней мере до тех пор, пока сама эта игра и дополнительные исследования не установят достаточную безопасность какого-нибудь нового варианта духовного кода, заслуживающего проверки в реальной жизни. В такой исследовательской игре должны принимать участие лишь уравновешенные люди с навыками научного мышления, способные сохранять чувство юмора и не слишком поддаваться власти своих духовных кодов.

Для начала можно создать платформу на основе общего технического кода.

Её духовной основой может быть абстрактное единство человечества, что означает открытость платформы для любого желающего участвовать в её работе. Но на самом деле универсальной она будет недолго, поскольку вскоре обретёт своё лицо в процессе внутренней эволюции. Да и с самого начала она не будет совершенно нейтральной, поскольку привлечёт только тех, кто в принципе согласен с идеей искусственной селекции политической культуры второго порядка.

Такой технический код должен предусматривать возможность разделения любого мировоззрения на принципиальные позиции, отвечающие на конкретные вопросы. Каждый протополитический код будет состоять из ряда принципиальных вопросов и ответов на них, что смоделирует политическое мировоззрение одной личности. Возможно, эта личность будет полностью вымышленной, подобно литературному герою. Поэтому мы лишь очень условно можем назвать такой конкретный протополитический код *личным кодом*.

Заметим, что любая концепция письменного духовного кода является упрощением реальной ситуации в головах людей. Но всё же предлагаемая платформа даст более развитую систему духовных координат, чем те наборы лозунгов, с помощью которых политики манипулируют избирателями.

Если два личных кода имеют одинаковый состав принципиальных вопросов, но у них отличаются некоторые ответы, можно провести проверку совместимости этих двух кодов. В случае, если хотя бы одно из расхождений делает невозможной политическую дискуссию между такими личностями, их коды несовместимы. Если же разговор в принципе возможен, два этих кода принадлежат к одному духовному или протополитическому виду, аналогичному биологическому виду для случая генетических кодов. Собрав много личных кодов одного вида, можно выявить совпадающую у этих кодов видовую основу и распознать у них область дискурса – список вопросов, по которым у этого вида есть разнообразие ответов.

Целью игры должно быть создание протополитических видов с развитым и многообразным кодом, поддержанных достаточно большим числом участников. По идее, большая поддержка и широкий дискурс сами по себе обеспечивают обдумывание видового кода многими людьми с разных точек зрения. Тем самым обеспечивается его безопасность для применения в реальной жизни. А вот узкий дискурс должен быть основанием для отбраковки политического вида даже при его большой численности, потому что в этом случае произошло явное вырождение второго порядка и сведение процесса развития к простому копированию.

Возможны три причины отсутствия конкретного вопроса в видовом коде: этот вопрос имеет единственный возможный ответ в рамках данного общества, или он просто не интересен участникам, или же он совсем новый для дискурса и его стоит включить в обсуждение. Расширение дискурса нужно для расширения приспособленности кода к реальности, но протополитический код не может быть слишком большим из-за ограниченной памяти каждой личности. А разделение на группы по интересам нам не нужны, если мы хотим создать основу политического кода, способного объединять большие группы населения.

Любой участник игры может начать развитие модельного личного кода с создания своего списка принципиальных вопросов и своих ответов на них, или – с копирования чужого кода и его модификации путём добавления своих вопросов или своих ответов на уже существующие вопросы. Умолчания по некоторым вопросам тоже будут вариантами ответов. Можно и просто скопировать чужой личный код, численно увеличив его поддержку. Для своей модификации кода следует сначала попытаться найти в списках вопросов и ответов существующий подходящий вариант, и только при его отсутствии добавлять новый вопрос или новый ответ введением соответствующего текста. Появление каждого личного кода будет зарегистрировано как отдельное событие.

Не должно быть ограничений на количество разных личных кодов у одного участника, поскольку это игра персонажей, а не реальных лиц. Но всё же участник, определённый хотя бы по адресу его электронной почты, не должен точно повторять свои личные коды, иначе будет трудно оценить поддержку разных вариантов. У каждого личного кода должно быть ограничено время жизни, по истечении которого он должен исчезать из игры. После этого участник может воссоздать этот код путём копирования и модификации других кодов, или же изменить его в соответствии с изменением своего мнения. Требование возрождать свои коды также ограничит их размножение. В конце концов, это не голосование, и само по себе большинство голосов никому ничего не даёт.

Платформа будет регулярно проводить поиск возможностей для видового объединения и предлагать участникам дополнить свои коды новыми вопросами для совмещения списков вопросов у максимального числа личных кодов. Каждому личному коду время от времени будет предложено присоединиться к подходящему виду при формальном совпадении этих списков. Участник игры должен будет принять предложение или отвергнуть его, указав на элементы видового кода, которые делают невозможным его разговор с их авторами. Каждый вид в игре будет охарактеризован полным списком ответов на вопросы для его основы и его дискурса, то есть многовариантным протополитическим кодом, который может эволюционировать по внутренним правилам вида.

Мы не знаем заранее, какой длины и какого содержания протополитические коды будут сформированы. Слишком длинный код будет трудно изучать, и его не будут копировать даже с целью изменения. Но очень краткий код будет иметь слишком мало содержимого, чтобы привлечь хоть кого-то. Каждое добавление вопроса или ответа будет разветвлять код на два варианта, а процесс такого размножения кода будет борьбой первого порядка. Сторонники каждого кода смогут обсуждать свои позиции и согласованно переходить на новый вариант, если решат изменить старый. Но технически это будет серия разветвлений, и при этом кто-то может остаться на прежнем варианте кода. Важно, чтобы никто не был приписан к новому политическому коду без своего осознанного решения.

Технически возможны два процесса собирания кода. Во-первых, один вид после обсуждения может прийти к общему мнению по определённому вопросу и

организованно перейти на общий вариант ответа, принимая его в качестве нового стандарта своего протополитического кода. Так они сократят свой дискурс, из которого будет исключён ещё один согласованный вопрос, а ответ на него будет размещён в необсуждаемой основе кода. Переход протополитического вида на сокращённый дискурс можно назвать консолидацией вида. Но в пределе этот процесс может закончиться вырождением второго порядка, когда все позиции будут необсуждаемы, и весь код будет состоять из необсуждаемой основы. В норме процессы консолидация вида по одним вопросам и процессы его расхождения по другим должны идти постоянно и уравнивать друг друга.

Во-вторых, два когда-то разошедшихся вида могут быть объединены, если в их кодах уже нет явных противоречий. Возможно, для этого понадобится какое-то их встречное развитие для подготовки объединения. Объединённый дискурс может стать длиннее и потребовать определения большего числа позиций от каждого участника. Так что для такого объединения нужны будут веские причины. Теоретически, серия объединений и консолидаций может привести к вырождению второго порядка на всей платформе и к единственному канонизированному коду. Тогда придётся запускать новую платформу и начинать всё с начала.

Обсуждение общих и различающихся позиций, а также наблюдение за числом сторонников разных политических видов должно привести к оформлению духовных основ и дискурсов, способных предложить свои вопросы и свои ответы для будущего страны и мира. Но протополитические коды не могут иметь иного статуса, кроме статуса произведений искусства или научных гипотез. Перед тем, как участвовать в политической жизни страны, такой гипотетический код должен пройти экспертизу на предмет его соответствия действующему законодательству. Также будет желательно провести его научное обсуждение в среде специалистов и участников моделирующих платформ с рассмотрением возможных последствий его широкого распространения.

Утечка незрелого политического кода будет заранее дискредитирована как научно несостоятельное, несерьёзное и чисто игровое предложение отдельных лиц. Впрочем, опасность последствий таких утечек невелика. Обрывки странных и даже безумных духовных кодов постоянно ходят по умам человечества, и вряд ли к этому мусору можно добавить что-то сравнимое по влиянию с продукцией киностудий, СМИ и индустрии компьютерных игр.

Любой разумный духовный код может оформиться вне всякой платформы как политическое движение или партия, чтобы участвовать в законной борьбе за власть. Эмбриональный этап духовной эволюции второго порядка на электронной платформе даст новому движению преимущество только в более высоком уровне развития по сравнению с другими начинающими партиями и движениями.

Как минимум, такая открытая платформа предоставит базу знаний, которая впоследствии поможет избирателю понять, за что именно он голосует, когда выбирает ту или иную партию, прототип политического кода которой имеет задокументированную предысторию развития. Но полученное знание может

заставить избирателя понять, что подходящей ему партии или движения просто не существует, и что пора создавать свой новый протополитический модельный код в рамках имеющейся электронной платформы.

Как максимум, такая платформа ускорит процесс политической эволюции второго порядка, и скоро никто уже не вспомнит о партийных кланах, грызущихся между собою в дарвиновской борьбе первого порядка. Ничто не помешает создавать и международные эволюционные платформы, чтобы собирать там мнения и идеи для моделирования глобальной политики. Ведь чем больше будет научных решений мировых проблем, тем меньше будет их военных решений.

Второй мировой порядок

Основное содержание мировой истории последних тысячелетий состоит в попытках человечества сохранить или восстановить второй порядок развития своего культурного кода. Век за веком после очередной катастрофы мы задаём себе один и тот же вопрос: наш человеческий мир – это такая большая несчастная семья или это такая вечная хитрая война? Это великая любовь, хотя и не до конца ещё построенная, или это вечная всеобщая ненависть, которая только заманивает нас в ловушку любви?

Ответ лежит не в сфере познания, а в области духовных мотивов. Наш мир таков, каким мы его хотим. Если даже он по своей природе состоит из мёртвой пустоты космоса, убийственной плазмы звёзд и животной ненависти зверей, всё равно мы строим в этом мире свою большую человеческую семью. И лучше не стоять у нас на пути, потому что у человека нет духовного мотива сильнее, чем вера во всеобщую любовь и братство.

Но желанный второй порядок большой человеческой семьи периодически разваливается, несмотря на все успехи развития многих специальных участков культурного кода. Духовные механизмы второго порядка постоянно опаздывают с перенастройкой в соответствии с развитием специальных разделов культуры. Из-за этого вся духовная культура теряет свою силу, когда оказывается неэффективной в сравнении с первым порядком дарвиновской борьбы за существование.

В качестве наглядного образа мирового порядка можно представить себе огромную машину, отдельные узлы которой постоянно переделывают группы живущих в ней узких специалистов, которые не понимают работу машины в целом и не общаются друг с другом. Пока они работают медленно, их улучшения лишь слегка изменяют поведение всей машины и условия работы каждого её узла. На следующий день каждая группа на своём узком опыте обнаруживает изменения в своей узкой области и подправляет свой узел.

Но если сразу многие группы сильно меняют свои узлы, машина просто рушится и давит специалистов. Полагаясь на первый порядок развития, можно только ждать, когда эти узкие специалисты за счёт мутаций своих узких идей случайно достроят машину до устойчивого состояния. Но идея второго порядка

предполагает, что они научатся говорить на общем языке и однажды разберутся с проектом всей машины путём обсуждения.

Исторический процесс постоянно натывается на противоречия между успехами в развитии специальных знаний и провалами в спасении нравственных основ. О Вавилоне мы помним как о бюрократической деспотии, погрязшей в разврате и проклятой в Библии, хотя эта цивилизация создала систему измерения углов и времени, а также первой решила квадратное уравнение. Ещё больше поражает противоречие между уровнем науки западной Европы двадцатого века и европейской идеологией нацизма, способной конкурировать в своей пошлой простоте с людоедскими культурами Папуа и Амазонии.

На этом фоне вырождение идеи справедливого общества, которое привело к распаду Советского Союза, уже не кажется исключительным явлением. Мы имеем дело с универсальной болезнью цивилизации, которую надо излечить, чтобы завершить переходный период длительностью в несколько тысяч лет. Нам надо перейти от устойчивого традиционного племенного общества второго порядка к цивилизованному миру со столь же устойчивым вторым порядком, вырвавшись из эпохи технически развитых и нравственно гнилых цивилизаций с их постоянно разваливающимся вторым порядком духовной культуры.

Разочарование человечества в связи с неудачей социалистических идей вполне понятно, ведь второй порядок общества многие связывали именно с государственным социализмом. Отдельные участки культурного кода социализма сейчас участвуют в управлении всеми странами мира, но чистый государственный социализм доказал свою нежизнеспособность на опыте. Даже если его разрушили враги, они доказали его относительную слабость в дарвиновской борьбе.

Социалистические государства опирались на тысячелетнюю мечту народов о восстановлении второго порядка духовной и политической культуры. Народы помнят об эпохе общинной порядочности, когда человек человеку был другом и родственником, если только не был явным врагом. Свобода, равенство и братство были нормальны для наших нецивилизованных предков, иначе мы бы даже не знали об этих культурных кодах, совершенно забытых в больших городах.

Возможно, главной ошибкой идеологии социализма было предположение о том, что целью человеческой истории является некий правильный культурный код, который обеспечит мировой порядок. Многие в начале прошлого века думали, что надо всего лишь написать этот правильный код, потом любой ценой внедрить его в голову каждого выжившего человека – и будет всем счастье. Считалось, что этот магический культурный код напишут партийные философы, а социалистическое государство строго запретит отклонения от него.

Беда в том, что господство любого стандартного кода означает возврат к первому порядку его развития, который может обеспечить лишь самую медленную догматическую эволюцию – через культурные мутации и разветвления. То есть – через секты, революции и массовые человеческие жертвы. Из-за вырождения второго порядка социализм СССР эволюционировал даже медленнее, чем совсем

бездуховный капитализм. Последний, при всей убогой простоте его дарвиновского порядка, всё же меньше ограничивал разнообразие культурного кода.

Однако, неудача очередной попытки не означает бессмысленности самой цели. Ведь до того, как в природе появились биологические виды второго порядка, возникло и вымерло множество промежуточных вариантов клеточных скоплений. Советский социализм оказался промежуточным вариантом на пути эволюции, но элементы его культурного кода пригодятся в будущем.

Многим в конце прошлого века показалось, что экономическая глобализация первого порядка будет хотя бы реалистичнее планов мироустройства, основанных на высоких идеях. Первый порядок не предъявляет предварительных требований к участникам игры и не нуждается в специальных механизмах. Тот, кто не впишется в него, просто гибнет в дарвиновской конкуренции и перестаёт быть проблемой. И никто будет не виноват, потому что выживает сильнейший, а наша свобода стоит чужой гибели. Таким образом, главное отличие либерально-экономического плана от прежних проектов мирового порядка состояло в том, у экономистов была очень скромная надежда на создание всего лишь устойчивого первого порядка развития, основанного на симбиозе и борьбе культурных кодов, выживающих и погибающих в результате экономической конкуренции.

Эта либерально-экономическая модель общества привлекала экономией умственных усилий. Достаточно было сказать: “всё это экономика” – и можно было сойти за умного, потому что в этих словах действительно есть своя правда. Впрочем, ещё больше правды в утверждении, что всё это биология и физика, но такие идеи почему-то не кажутся глубокомысленным. Сложное явление всегда состоит из простых процессов, определённым образом упорядоченных. Но если лишь сводить сложное к его составляющим, легко потерять из виду тот самый порядок, который и делает из кучи простых вещей целостную систему.

Упрощённая рыночная модель человеческого мира кажется обоснованной дарвиновским учением о естественном отборе. Но в рамках аналогии между генетическим и культурным кодами классический рынок соответствует лишь первому порядку живой природы и допускает только ограниченное собирание элементов культуры в новых комбинациях. Рыночная экономика основана на массовом копировании технического культурного кода, воплощённого в изделиях и услугах. Технические новации в рыночной среде в большинстве случаев подобны мутациям генетического кода в живой природе. Их успех определяет спрос, а объём спроса определяется универсальностью мотивации потребителя. Но самые универсальные мотивы людей унаследованы из животного мира. Если это не голод, страх или дискомфорт, значит это – самоутверждение в стадной иерархии.

Вряд ли такие простые мотивы могут привести человечество к высотам духовной культуры. В условиях жёсткого конкурентного отбора свобода мысли является непозволительной роскошью. Поэтому всё действительно новое приходит в экономику из науки, которая живёт по законам второго порядка и не описывается экономическими моделями. Причём самый надёжный способ уничтожить науку

состоит в том, чтобы потребовать от неё экономического эффекта в сжатые сроки.

Несмотря на иллюзию простоты построения экономического мира, эта задача оказалась столь же невыполнима, как и все планы создания второго мирового порядка, провалившиеся за последние тысячи лет. Дело в том, что наша культура сложнее первого порядка. Культура людей не может подчиняться своей собственной части первого порядка – своей экономике, как не может наш организм подчиняться своим желудочным бактериям. Поэтому на планете прямо сейчас терпит провал попытка установить либеральный порядок, основанный на свободе экономических сил, подчиненных равновесию простейших бездуховных мотивов человека, унаследованных из животного мира.

Экономика – это просто хозяйство, и не более того. Это наши инструменты, наш скот и наше пахотное поле, которые нам нужны, чтобы вырастить и обучить наших детей. Да, экономика требует грамотного расчёта и тщательного ухода. Но если экономисты думают, что люди должны жертвовать здоровьем или будущим детей ради развития подсобного хозяйства – они ошибаются. Экономика – это не священная, а всего лишь дойная корова. А дойная корова идёт под нож, если от вырученных денег зависит жизнь людей, их здоровье или их образование. Оправданием и целью экономики является человек, которому она служит, а не бессмысленные цифры условных денежных величин. Люди сложнее экономики, и поэтому все долгосрочные экономические прогнозы не стоят ломаного гроша.

Опыт развития генетических кодов и вся история культуры говорят о том, что первому порядку развития соответствует свой предел сложности системы, преодолеть который невозможно без перехода на второй порядок. Если надеяться только на свободную игру рыночных сил и естественный отбор сильнейших, то самая беспощадная банда просто перебьёт конкурентов и победит в том якобы экономическом соревновании, правила которого сама и напишет. Это уже не раз случалось за краткую историю бездуховного капитализма.

Слишком либеральная экономика позволяет бизнесу влиять на политику, что быстро приводит к продажной или лженациональной политической деспотии, а на следующем этапе влечёт за собой утрату всех экономических свобод. А если коррупции и деспотии помешает демократическое государство, оно тем самым нарушит свободу рынка. Тут уж либо государство демократически управляет экономикой человеческой жадности, либо самые жадные люди становятся коррумпированным государством, чтобы ограничивать жадность других.

В худшем варианте жаждущие самоутверждения личности создают какое-нибудь нацистское государство, коррумпированное страхом. Гитлера к власти привел не социализм, а практически либеральная экономика с её свободной безработицей. У рынка есть невидимая рука, наводящая дарвиновский порядок, но у него нет мозгов, чтобы этот порядок получился таким, какой нужен человеку. Впрочем, попытка так жёстко командовать экономикой, чтобы ничто живое без команды не дышало – это лишь другой способ загубить своё домашнее хозяйство.

Относительный успех капитализма был достигнут там, где капиталу не

удалось добиться полной победы, и где интересы собственников оказались уравновешены интересами наёмных работников и интересами государства. Как только в этом уравнении намечался гегемон, он навязывал первый порядок развития своего культурного кода всем остальным, и второй порядок системы вырождался в первый. Гегемония капитала – это банановые республики Латинской Америки прошлого века. Гегемония государства – это советский социализм. А гегемония рабочих коллективов – это средневековая цеховая система или индийские касты, намеренно тормозящие развитие технологий.

Кое-где бывали и периоды эффективной работы уравновешенной рыночной системы. Жадный или увлечённый делом предприниматель ей нужен, чтобы заставить работать ленивого рабочего, потому что справедливый государственный этого не сделает из-за политической опоры на большинство. Зато чиновник готов собрать налоги с капиталистов, чтобы оплатить расходы государства и социальную поддержку слабых. Ленивый или разумно экономящий ресурсы своего организма рабочий в любом случае подвергается эксплуатации, то есть использованию. Но в уравновешенной системе он может получить свою долю результатов совместного использования труда и капитала. Иначе говоря, при достаточной удаче рыночная экономика приводит к устойчивому симбиозу, когда все понемногу едят друг друга и этим друг другу полезны.

Может даже показаться, что противоречие между трудом и капиталом, если оно не разрешено однозначно в пользу одной из сторон, приводит к развитию второго порядка, когда культурный код капитала соединяется с культурным кодом труда и создаёт новые производства. Но в бизнесе не возникает культурного кода, который заменял бы собою исходные коды труда и капитала в итоге их слияния. Корпоративная культура собирается из кодов владельцев и управляющих с добавлением специальной технической культуры. А духовная культура труда развивается в торговой борьбе с культурой капитала, которая ведётся за долю выгоды от взаимного использования. Так что на рынке труда есть только симбиоз культурных кодов с весьма ограниченным обменом отдельными их участками.

Тем не менее, социалистическая экспроприация экспроприаторов оказалась менее эффективной, чем рыночная эксплуатация эксплуататоров. Неустойчивый рыночный симбиоз случайно кое-где не выродился ни в одностороннее хищничество капитала, ни в диктатуру государства, ни во всевластие цеховых союзов. Однако, такое равновесие не гарантировано рынком. Сам по себе рынок всё время норовит свалиться в кризис, от которого спасает только игра государств с кредитными ставками по их бумажным валютам.

Мы живём в реальном мире, поэтому можно предположить, что будущий второй порядок в народном хозяйстве в любом случае должен во многом опираться на врождённые мотивы человека, то есть на наши лень, жадность и страх. Возможно, культура общественного организма наполовину должна состоять из образцов культуры первого порядка, то есть из желудочных бактерий простого личного интереса.

Но эти простые мотивы и коды должны находиться под высшим контролем духовной культуры второго порядка, задающей направление развития общества. При этом влияние второго порядка должно быть точным и своевременным, но ограниченным по силе. Дело в том, что сильное воздействие требует политической иерархии первого порядка и сильной власти, что создаёт опасность превышения предела, за которым следует вырождение системы до первого порядка советского типа или до какой-нибудь средневековой духовной теократии.

Разумно предположить, что второй мировой порядок будет создан не каким-то особо удачным неизменным кодом первого порядка, а подвижным культурным кодом второго порядка, который будет иметь защиту своей многовариантности и механизм отбора наилучших кандидатов в стандартный культурный код. Но на данный момент не известно никакого иного механизма такого отбора, кроме международной научной дискуссии. Если бы сейчас было возможно создание глобальной политической системы, которая подчинит мировую политику таким же механизмам развития, какие есть у мировой науки, можно было бы говорить о научном проекте создания второго мирового порядка.

Но пока что в любом всемирном проекте наверх вылезут не учёные, а политики макиавеллиевского типа с их простым пониманием порядка. А такой порядок миру не нужен, потому что всемирный порядок стада под властью кнута и пряника является обычной мечтой идиота о мировой империи. А мировая империя заведомо неустойчива против раскола и гражданской войны, и именно поэтому она ещё ни разу не получилась.

Мир всё ещё ждёт появления научно обоснованного политического кода второго порядка, проверенного на отдельных странах или хотя бы на отдельных проблемах. Впрочем, у нас не так уж много вариантов обозримого будущего. В перспективе нас ждёт либо первая мировая империя, либо второй мировой порядок, либо третья мировая война. Выбор остаётся за нами.

1 Ричард Докинз., Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. — Москва: АСТ:CORPUS, 2013. — 512 с. — 5000 экз. — ISBN 978-5-17-077772-3.

2 Merton, Robert K. (1973) [1942], "The Normative Structure of Science", in Merton, Robert K., The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations, Chicago: University of Chicago Press, ISBN 978-0-226-52091-9, OCLC 755754

3 Никколо Макиавелли. Государь. АСТ, АСТ Москва, Харвест, ОГИЗ, 2006.

4 С.А. Козин Сокровенное Сказание Юань Чао Би Ши. Москва-Ленинград. 1941.